

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ
СЕМАНТИКА

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки

Кафедра иностранных языков

К О Н Т Е К С Т У А Л Ь Н А Я С Е М А Н Т И К А

Сборник научных трудов

Под ред. В.И. Агамджановой

Латвийский государственный университет им. П. Стучки
Рига 1982

Контекстуальная семантика: Сборник научных трудов
/Под ред. В.И. Агамджановой. - Рига: Изд. ЛГУ им. П. Стучки,
1982. - 124 с.

В сборнике представлены статьи по частным вопросам германского и романского языкознания. В сравнительном плане привлекаются также русский и латышский языки. Большинство материалов излагает результаты исследования функциональных, семантических (включая вопросы классификации и диахронии), дистрибутивных и формальных характеристик текста, предложения и словарного состава языков. Ряд статей посвящен анализу отношений и функциональных признаков единиц разных уровней, а также текстообразующей роли грамматических категорий, конструкций, номинализации и стилистических средств.

Сборник предназначен для студентов, преподавателей и всех лиц, интересующихся изучением иностранных языков.

Табл. 6, библиогр. 141 назв.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Агамджанова В.И. (отв. редактор),
Озолинь О.Л. (зам. отв. редактора),
Байкова З.М.

Печатается по решению редакционно-издательского
совета ЛГУ им. П. Стучки

К 70100-030у 31.82.4602000000
М 812(II)-82

© Латвийский
государственный
университет
им. П. Стучки, 1982

EVU ZINĀTISKĀ
BIBLIOTĒKA

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИТЕРАТИВНОСТЬ КАК ПРОЕЦИРОВАНИЕ
ГЛОБАЛЬНОГО СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ
НА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ СЛОВА

Семантическая итеративность возникает как условие и результат проецирования глобального смысла /1/ высказывания на лексико-семантический вариант слова.

Под семантической итеративностью понимается двукратное или многократное варьированное повторение семантических признаков (сем) в составе лексических значений слов, вовлеченных в создание текста и тем самым вступивших в контекстуальные отношения /2/.

Данное явление может быть проиллюстрировано следующим примером:

Water	flows	down	the	wall	
		↑	↑	↑	предметность - 3
↑	↑	↑			движение - 3
↑	↑				жидкость - 2
	↑	↑			направление - 2

Воспроизведение одних и тех же семантических элементов в высказывании обусловлено системной организацией языка и обеспечивает однозначность и надежность выражения и передачи мысли.

Сведения об этом семантическом факторе, который свидетельствует о том, что язык безукоризненно выполняет свою коммуникативную функцию, обычно остаются на уровне констатации факта. Единичны теоретические интерпретации функционального назначения семантических повторов [3].

Цель настоящей статьи - показать, как семантическая итеративность обуславливает идентификацию и последующую актуализацию лексических значений слов в целостном тексте.

Подход к лексико-семантическому варианту слова как

к компоненту связного текста — единицы коммуникации — показал, что состав семантических признаков лексического значения слова формируется под воздействием импликаций макротемы, заданной информативным заглавием, микротемы, которая реализована в части текста, связанной повторными наименованиями, семантической модели предложения, семантики непосредственно сочетающихся слов. Указанные факторы проецируются на лексическое значение слова, формирующееся в тексте, и могут быть представлены в виде следующей схемы:

Покажем проецирование глобального смысла текста, тематически связанной части текста и предложения на слово *screening*, употребленном в статье, озаглавленной "The Thyroid Gland and World Health" (Science News). Семантика *screening* представлена в следующем составе:

- screening*¹ n 1. спец. экранирование;
2. воен. прикрытие, маскировка, охранение
- screening*² n 1. спец. грохочение, отсеивание, рассеивание
2. отбор, проверка [47].

Исходным семантическим фактором, на базе которого осуществляется опознание, а затем актуализация лексического значения *screening*, является согласование именной лексики данного текста по признакам, заданным заглавием.

Семантические признаки "щитовидная железа" и "здоровье народонаселения мира" служат основой формирования

тематических групп существительных, которые характеризуют целостность отраженной в тексте ситуации:

Глобальные признаки, заданные заглавием	Итеративные признаки, имплицитные заглавием	Имена текста, производящие признаки, имплицитные заглавием
1	2	3
The Thyroid Gland and World Health	Жизнедеятельность щитовидной железы	(thyroid)hormone(4), (thyroid gland) deficiencies(2), metabolism, (thyroid) function;
Щитовидная железа и здоровье народонаселения мира	Болезни щитовидной железы	tissues, muscle, heart, liver; (thyroid-related) diseases(4), goiter (3), cretinism (2), enlargement of the thyroid gland, illness (2);
	Причины болезней щитовидной железы	iodine deficiencies (4), soil and water with insufficient iodine levels diet (not supplemented with iodine), chronic illness, surgical trauma, drugs, old age, starvation, early neonatal life, caloric deprivation;
	Следствия болезней щитовидной железы	damage(2)(done by these diseases), ob-

1	2	3
		struction of breathing, swallowing, blood circulation, hypothyroidism, mental retardation, neurological defects, dwarfism, disorders, retardation of growth, maturation, intellectual development, infant mortality;
Обследование щитовидной железы		(biochemical) test, <u>screening</u> (programs), (hormone) control;
Профилактика болезней щитовидной железы		prevention, supplement of iodine, providing iodine, newborn <u>screening</u> programs;
Люди, страдающие от болезней щитовидной железы		population(2), (pregnant) women(2), newborns(4), children, infants, patients;
		many parts of the world, underdeveloped areas of the world, the United States(2).

Следует подчеркнуть, что именная лексика текста, которому предпослано информативное заглавие, всегда образует тематически группы слов, на базе признаков, имплицитных заглавию. Подобной тематической классификации не поддаются абстрактные существительные, лишённые непосредственной

предметной соотнесенности, и метафорические переносы, лишённые прямого денотативного значения.

В условиях приведенного тематического поля screening остается двузначным. Согласуясь с именами текста по признакам "обследование", "профилактика", оно может значить и "охранение", "проверка". Тематическое поле не обеспечивает однозначный выбор лексического значения screening, но это обстоятельство не лишает данный контекст его актуализирующей силы. Каким бы ни было лексическое значение screening, оно конкретизируется признаками "жизнедеятельность щитовидной железы", "болезни щитовидной железы", "причины болезней щитовидной железы", "лечение болезней щитовидной железы", "люди, страдающие от болезней щитовидной железы". Идентификация значения "проверка" осуществляется на основе семантического согласования по признаку "тестирование, проверка", который представляет собой глобальный смысл соответствующей части текста и создает семантическую рамку предложения *So far, screening programs have tested 3.5 million newborns...* Обобщенное значение "агент + действие + пациент" "программа проверки + проверка + предмет проверки" данного предложения проецируется на слово screening, обеспечивая его однозначность [6].

Как свидетельствует приведенный материал, семантическое согласование именной лексики текста, заданное заглавием, семантическая солидарность слов тематически связанной части текста и предложения определили однозначный выбор и актуализацию значения "проверка" слова screening. Лексическое значение "проверка - обследование для выяснения чего-либо" получило следующее уточнение:

Screening n.2.

проверка - жизнедеятельности щитовидной железы у детей и взрослых для профилактики и лечения болезней и последствий иодного голодания.

Итак, выявление речевых условий реализации лексических

значений, установление реального значения языковой единицы в акте вербальной коммуникации неизменно показывает, что текст и контекст неразрывны [7].

Контекст слова выступает как текст, спаянный семантической итеративностью, которая лежит в основе речевой идентификации и актуализации лексических значений. Актуализирующий контекст именной лексики не укладывается в рамки непосредственно соседствующих слов, он охватывает все семантическое поле текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. "Смысл - содержание знакового выражения; мысль, содержащаяся в словах (знаках, выражениях)" (Кондаков Н.И. Логический словарь.-М., 1971, с. 482).
2. Под текстом понимается целостное, связанное, иерархически организованное вербальное сообщение, имеющее прагматическую установку. Данная интерпретация понятия "текст" основывается на следующих работах: Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка.-Л., 1973; Арнольд И.В. Интерпретация текста как установление иерархии его частей. - В кн.: Лингвистика текста. М., 1974, ч. I; Арнольд И.В. О понимании термина "текст" в стилистике декодирования. - В кн.: Стилистика художественной речи. Л., 1980; Гальперин И.Р. О понятии "текст". - ВЯ, 1974, № 6; Москальская О.И. Текст как лингвистическое понятие. - ИЯШ, 1978, № 3; Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. - В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. М., 1978, вып. 8.
3. Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. - В кн.: Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971, с. 78-96; Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики. - В кн.: Проблемы структурной

- лингвистики. 1971. М., 1972, с. 367-395; Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании.-Владимир: Владимирский гос. пед. институт им. П.И. Лебедева-Полянского, 1974. - 222 с.; Шехтман Н.А. Семантическая редупликация и проблема тезауруса: Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук.-Л.; 1977. - 42 с.
4. Большой англо-русский словарь в двух томах / Пол ред. И.Р. Гальперина.-М.: Советская энциклопедия, 1972, т.2, с. 404.
 5. О лексико-семантической парадигме см.: Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания.-М.; 1974, с. 48-54.
 6. См.: Агамджанова В.И. Итеративность семантических признаков лексики предложения. - В кн.: Синтагматическая обусловленность лексической семантики.-Рига; 1980, с. 3-16.
 7. О контексте на уровне всего текста см.: Агамджанова В.И. Контекстуальная избыточность лексического значения слова.-Рига; 1977. - 123 с.; Колшанский Г.В. Контекстная семантика.-М.; 1980. - 148 с.

ВАРИАНТЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ,
 ОБЪЕДИНЕННОГО МОДАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ
 УВЕРЕННОСТИ/ПОДТВЕРЖДЕНИЯ, ОПРЕДЕЛЯЕМЫЕ
 ФУНКЦИОНАЛЬНЫМ И АВТОРСКИМ СТИЛЕМ РЕЧИ,
 В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Лексическая единица *ser ainly* и другие единицы, входящие в это же поле [1, с. 18-36], находятся где-то посередине между полнозначными и служебными словами. Особенно это заметно, когда просматриваешь оглавления грамматик, где, так называемые модальные слова, помещаются после союзов, междометий, частиц и предлогов [2, с. 318-319].

Различие в употреблении строевых слов в разных стилях речи должно представлять интерес, так как этот вопрос недостаточно рассматривался.

Вторым обстоятельством, представляющим интерес, является выравнивающее влияние синонимического ряда, образующего семантическое поле. При нивелированной семантике выбор лексической единицы в тексте определяется чем-то другим.

Для анализа были взяты четыре выборки по 800 000 с/у^I, из них две - из художественных текстов, одна - из газетных текстов (публицистический стиль) и одна - из научных текстов. В результате получено четыре лексико-семантических поля (ЛСП), отличающиеся по составу и абсолютной частоте употребления. Для экономии места перечислим модальные лексические единицы (МЛЕ), вошедшие в поля, не столбцом, что нагляднее, а строкой; цифра после МЛЕ означает абсолютную частоту встречаемости во всей выборке, скажем, *clearly* (16) означает, что эта МЛЕ в выборке из художественных текстов встретилась 16 раз.

I с/у - сокращение от слова "словоупотребление".

ЛСП из 26 МЛЕ, выделившиеся в художественном стиле, первая выборка в 800 000 с/у: of course (487); indeed (196); certainly (129); really (126); sure (75); surely (69); no doubt (30); doubtless (28); at any rate (18); clearly (16); definitely (15); undoubtedly (8); absolutely (8); decidedly (8); assuredly (6); exactly (6); truly (5); without doubt (3); by all means (3); positively (3); infallibly (2); precisely (2); unquestionably (1); indubitably (1); undeniably (1); at all events (1).

ЛСП из 20 МЛЕ, выделившиеся в художественном стиле, вторая выборка в 800 000 с/у: of course (386); really (232); certainly (152); indeed (132); surely (59); sure (59); no doubt (32); doubtless (11); undoubtedly (10); at any rate (9); clearly (8); truly (6); at all events (3); undeniably (3); definitely (3); absolutely (3); exactly (2); indubitably (1); decidedly (1); without doubt (1).

ЛСП из 19 МЛЕ, выделившиеся в публицистическом стиле, выборка в 800 000 с/у: of course (81); certainly (69); indeed (54); clearly (31); surely (21); undoubtedly (20); really (15); no doubt (9); definitely (9); doubtless (5); absolutely (3); decidedly (2); admittedly (2); without doubt (2); unquestionably (1); undeniably (1); positively (1); precisely (1); at any rate (1).

ЛСП из 14 МЛЕ, выделившиеся в научном стиле, выборка в 800 000 с/у: of course (194); certainly (65); indeed (61); clearly (31); no doubt (28); really (13); surely (8); at all events (6); undoubtedly (4); at any rate (3); doubtless (3); unquestionably (2); by all means (2); absolutely (1).

При рассмотрении полученных полей видно, что частота употребления по стилям сильно различается для одних и тех же МЛЕ. Кроме того, не совпадает и сам состав полей. Самым обширным по составу оказалось ЛСП, выделившееся в художественных текстах; оно не включает в себя только одну МЛЕ - admittedly, встречающуюся в научном стиле. Другой

интересной особенностью является то, что не для всех МЛЕ частота употребления самая высокая в художественном тексте, как кажется на первый взгляд. Чаще, чем в художественном стиле, употребляются *clearly, no doubt, at all events, undoubtedly* в двух других стилях.

По-видимому, причинно-следственная связь навряд ли может быть установлена. Полученные данные говорят о наличии традиции, скорее чем о какой-либо разнице в значении.

Влияние авторского стиля на выбор МЛЕ из выделившегося лексико-семантического поля можно проиллюстрировать употреблением МЛЕ У. Фолкнером.

Такое большое количество синонимических единиц, способных почти равноценно функционировать в тексте, позволяет делать индивидуальный выбор, который может быть продиктован средой, образовательным цензом и, наконец, целями, которые себе ставит говорящий.

Например, в романе У. Фолкнера *The Soldier's Pay* [3] противопоставление солдат, вернувшихся из Европы после I-й мировой войны, и не знавшей войны Америки, той Америки, в которой нет места вернувшимся с войны солдатам, достигается в числе других приемов, отбором лексики, которой пользуются герои романа. Это можно проследить даже на таком узком слое лексики, каким является рассматриваемый синонимический ряд. Подчеркнутая грубость и примитивизация речи характерна для всех экс-солдат, она роднит их независимо от социальной принадлежности, служит паролем тайного братства. Из всего богатства средств выражения уверенности/подтверждения экс-солдаты отдают предпочтение двум лексическим единицам: *sure, of course* (см. речевую характеристику героев романа У. Фолкнера).

И по контрасту герои романа, представляющие неволевавшую Америку, широко варьируют свой лексикон: м-р Магон, приходский пастор, доктор богословских наук и философ по призванию, употребляет такие лексические единицы, как *by all means, certainly, truly, surely, of course, indeed* и сов-

сем не пользуется вульгарным *sure*; богословски образованный м-р Джоунс, сверстник экс-солдат, пользуется такими словами, как *without doubt, doubtless, by all means, of course, certainly, surely, indeed* и только 1 раз употребляет *sure*.

Речевая характеристика героев романа

Cadet Lowe	<i>sure</i> (4), of course (2)
Private Gilligan	<i>sure</i> (49), of course (4), certainly (1)
Other ex-soldiers	<i>sure</i> (4), of course (1)
The author	<i>doubtless</i> (2), certainly (1), indeed (1), of course (3)
Mr Mahon	certainly (1), truly (2), surely (1), indeed (2), of course (3), by all means (2)
Mr Jones	certainly (8), indeed (2), of course (4), by all means (1), surely (4), doubtless (2), without doubt (1), sure (1)
Mrs Powers	certainly (1), of course (12), surely (3), indeed (1)
The Saunders	really (2), certainly (4), indeed (1), of course (8)
Mr Farr	of course (1), sure (1)
A woman	certainly (1)
The conductor	<i>sure</i> (3)

Совершенно не употребляет слово *sure* respectable семейство Саундерс и миссис Пауэр; только раз слово *sure* встречается в речи м-ра Фарра, тоже принадлежащего к молодому поколению. В авторской речи мы тоже не находим употребления этого слова. Один раз слово *sure* употреблено в речи американцев из социальных низов (кондуктор).

Причины варьирования состава ЛСП автором художественного произведения могут быть самыми разными. Для иллюстрации был взят пример, лежащий на поверхности.

Следует обратить внимание, что из 27 лексических единиц синонимического ряда в тексте романа встретилось только Ю. По всей вероятности, существует какой-то разумный предел разнообразия, который не должен быть превышен в рамках одного текста.

В семантическом и в синтаксическом плане рассматриваемый синонимический ряд и его функции в высказывании — это часть более обширной проблемы метатекста в тексте, а если смотреть уже, то это часть проблемы модальной рамки. Обе эти проблемы сформулированы у А. Вежицкой [4, с.402-424], однако частная проблема, которой занимаемся мы в настоящей работе, еще не рассматривалась.

Литература

1. Байкова З.М. Выделение синонимического ряда лексических единиц с модальным значением уверенности/подтверждения на основе семантического и функционального анализа. — В кн.: Синтагматическая обусловленность лексической семантики. Рига, 1980, с. 18-36.
2. Гордон Е.М., Крылова М.П. Грамматика современного английского языка. — М.: Высшая школа, 1980, с. 318-319.
3. Faulkner W. *Soldier's pay*. — Penguin Modern Classics: 1976. — 266 p.
4. Вежицка А. Метатекст в тексте. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, 1978, вып. 8, с. 402-424.

А. Я. Банков

К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКИХ
ФУНКЦИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ВКРАПЛЕНИЙ

/на материале латышского языка/

Лексика латышского языка в ходе своего исторического развития пополнилась и пополняется многими заимствованиями из других языков, в том числе и из западноевропейских языков. Французский язык является самым продуктивным среди других языков этого ареала. Из него в латышский через языки-посредники проникло свыше 2000 цельнооформленных и раздельнооформленных лексических единиц.

Вся заимствованная лексика латышского языка французского происхождения не представляет собой однородную группу. Среди заимствований много слов, окончательно ассимилированных языком-реципиентом. Однако существуют слова, словосочетания, которые полностью сохранили свой графический облик языка-этимона и фактически не относятся к системе латышского языка. Будучи "чисто" иноязычными по своему характеру и морфологически неделимыми, они относятся к одному из трех типов [1, с. 43] иноязычных слов, т.е. к вкраплениям.

Анализ вкраплений французского происхождения в латышском языке показывает, что они могут быть распределены по двум основным группам. К первой группе относятся те вкрапления /слова, словосочетания, предложения и т.д./, которые окказионально используются в текстах латышского языка. Данный прием позволяет лучше показать местный колорит, в то время как при переводе необходимо было бы прибегнуть к перифразам и пояснениям. Окказиональные вкрапления являются,

по существу, незамкнутыми группами слов, и как таковые, они не регистрируются в словарях. Транспозиция французских предложений, слов в латышский язык очевидно связана также и с индивидуальным билингвизмом /в этом случае вкрапления относятся к эфемеридам/ и используется главным образом для стилистических целей, нередко чтобы показать французов или говорящих по-французски в иноязычной или иноземной обстановке. Например, чешский путешественник М.Стингл, описывая последние годы жизни французского художника Гогена в Полинезии, прибегает к вкраплениям /перевод с чешского Л.Румницец/: mākslinieka to [māju] bija izrotājis koka bareljef' em un uzrakstiem. Vienā no tiem, piemēram, mākslinieka mīcināja Marķīza vīlu iedzīvotājus: "Soyez Amoureuses, vous serez heureuses". [2, 159.lpp]

Šeit, Punaauīā, Gogēns radīja savu lielāko gleznu — slaveno "Où venons-nous? Qui sommes-nous? Où allons-nous?" [2, 157.lpp] .

Американский писатель Эрнест Хемингуэй в своих работах, посвященных французской тематике, также часто употребляет вкрапления, которые при переводе остаются неизменными.

- Kur ir Fontēns?

- Il fait de la vendange. Ak dieva, cik viņš ir traks pour le vin.

- Jums pašai labāk garšo alus?

- Oui, j'aime la bière, mais Fontan, viņš ir traks pour le vin [3, 323.lpp] .

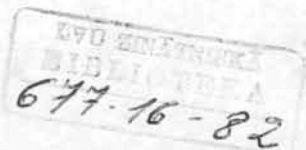
В латышской оригинальной художественной литературе вкрапления часто встречаются в романах М.Зариньша. В его романе "В тени века просвещения", где косвенно показаны отзвуки французской буржуазной революции, приводится целый ряд французских вкраплений в виде цитат [4, с.123], отдельных слов и словосочетаний, напр.: L'art pour l'art (23, 29. lpp.); Pain bis et la liberté (65.lpp.); à la saucisse (43.lpp.) и др.

При частом употреблении отдельных вкраплений /как правило, существительных/ происходит их частичная или даже полная лексикализация. При частичной лексикализации сосуществуют обе формы: французская и ассимилированная форма данного слова в латышском языке. При полной же лексикализации в языке-реципиенте осталась только ассимилированная форма. В латышском языке к частично лексикализированным вкраплениям можно отнести следующие пары слов: *madame* - *madāma*; *mercî-mercî*; *monsieur-mesjē* и др. Рассматривая эволюцию вкраплений французского языка в XX веке, можно заметить, что латышский язык ассимилировал такие вкрапления; как *pot-pourri* (*porūrijs*); *café chantant* (*kafēšantāns*); *eau de Cologne* (*odekolons*); *pince-nez* (*pensnejs*) и др., либо прибег к калькированию *apetīte rodas ēdot* (*appétit vient en mangeant*); *dienss kārtībā* (*à l'ordre du jour*); *zelta jaunatne* (*jeunesse dorée*).

В отдельных случаях произошла специализация значений. Так, например, французское *maître* дало в современном латышском языке вкрапление *maître* со значением "мастер, учитель" и ассимилированную форму *mātrs* со значением "титул нотариуса, адвоката".

Полное изменение семантики произошло со словом *passpartout*. Словари иностранных слов латышского языка /1906, 1914, 1934 г. издания/ отмечают данное слово как вкрапление со значением "билет для свободного входа в театр", а словари иностранных слов последних изданий /1969, 1978г/ дают не только ассимилированную форму (*paspartū*), но и другое значение "паспарту, картонная рамка под фотографический снимок, гравюра".

Анализ словарей иностранных слов латышского языка разных лет издания показал, что количественное соотношение вкраплений французского происхождения по отношению к вкраплениям, проникающим в латышский язык из других языков, довольно постоянно и составляет примерно 12 - 14% /см.табл./.

Год издания словаря иностранных слов	Общее к-во вкраплений	В том числе вкраплений французского происхождения	
		в абсолютных числах	в % отношении
1906	560	77	12
1914	472	83	17,8
1934	834	114	14
1969	490	65	13,2
1978	750	90	12

Вкрапления французского происхождения относятся к следующим основным сферам функционирования:

- * - отдельные формулы обращения: *madame, monsieur; bon-jour, adieu, bonsoir, salut; merci; pardon; cher ami;*
- слова и словосочетания, обозначающие некоторые аристократические нравы: *bon ton, mauvais ton; beau monde; jour fixe; grande dame;*
- некоторые абстрактные понятия: *bon sens; idée fixe; profession de foi; raison d'être;*
- отдельные наименования театральной лексики: *ingénue; pas de deux; jeune premier;*
- обиходная лексика: *enfant terrible; prix fixe; rendez-vous; tête-à-tête.*

Как показывает имеющийся материал, далеко не все вкрапления французского происхождения становятся фактами языка. Эфемериды, связанные с индивидуальным билингвизмом, и окказиональные вкрапления занимают главное место среди этой части заимствованной лексики. Часть вкраплений, принятых словарями, со временем проникают и ассимилируются в лексической системе и, таким образом, способствуют интернационализации словарного состава латышского языка.

Л и т е р а т у р а

1. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке.-М.: Наука.-208 с.
2. Stings M. Pēdējā paradīze.-R.:Liesma,1980.-290 lpp.
3. Hemingvejs E. Raksti. 1.sēj.-R.:Liesma, 1971.-644 lpp.
4. Zeripē M. Apgaismības gadsimta ēnā.-R.:Liesma, 1980. 152 lpp.

ИНТРАСИНТАГМА В ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Когда речь идет о синтагматике применительно к семантике, чаще всего говорят о синтагматической обусловленности семантики производного или непроизводного слова "извне" — теми сочетаниями слов, в которые данные слова входят, и реже о синтагматической обусловленности производного слова "изнутри" — теми морфемами, которые это слово составляют. Вопрос же о синтагматической обусловленности семантики непроизводного, корневого слова исследователями до сих пор не ставился. Такое положение вещей понятно, когда мы имеем дело с незвукоизобразительной лексикой; иное дело — когда перед нами лексика звукоизобразительная (примарно мотивированная).

Невнимание к проблемам звукоизобразительной (ЗИ-) лексики обычно оправдывают "ограниченностью возможностей", "малочисленностью", "несущественностью" этой лексики. Между тем, эти аргументы основываются на заблуждении [1, с. 23-25]. В основе здесь лежит прежде всего освященное многовековой языковедческой традицией отношение к слову как к принципиально произвольной, немотивированной сущности, а также некритическое приятие соскоровского принципа произвольности языкового знака — принципа, который, по выражению Р. Якобсона, "сам оказывается произвольным" [2, с. 396]. Показательно, что никто из языковедов, специально изучавших примарно мотивированную лексику и имевших информацию "из первых рук", не разделяет мнения о "малочисленности", "несущественности" ЗИ-слов. Ныне уже совершенно ясно, что игнорировать ЗИ-лексику исследователь просто не вправе.

Не вправе он игнорировать и особенности синтагматики в ЗИ-системе. Одна же из этих особенностей — и, как об

этом позволяет судить наш материал, особенность чрезвычайно существенная — заключается в том, что в ЗИ-системе языка семантика непроеводного, корневого слова синтагматически обусловлена не только "извне", но и "изнутри" — теми фонемами, теми сочетаниями фонем, которые собственно и составляют это слово.

Рассмотрим эту особенность на примере наиболее четко организованной в системном отношении части ЗИ-лексики — на примере ономотопов (звукоподражательных слов).

Изучение фонетического строения и ЗИ-функций акустических фонемотипов^I непроеводных ономотопов позволяет сделать определенные выводы, касающиеся их слопособразовательного строения [4, с. 14, 15]. Функция ономотопа в языке — отражение, обозначение звучания (сочетания звучаний); содержанием его, его значением является, следовательно, обозначаемое звучание (сочетание звучаний). Функция же фонемотипа ономотопа, как правило, — отражение, обозначение того или иного компонента (психо)акустического строения звучания (сочетания звучаний); содержанием фонемотипов (и, следовательно, фонем) ономотопа, их значением являются, следовательно, обозначаемые компоненты (психо)акустического строения звучания (сочетания звучаний). Таким образом, в структурно-семантическом плане корень ономотопа — как, впрочем, и корень любого ЗИ-слова — не является неделимым. Как и любая морфема, корневая морфема ономотопа представляет собой единицу плана выражения, регулярно воспроизводимую согласно моделям данного языка и непосредственно соотносимую с единицей плана содержания [5, с. 240]. Однако, в отличие от корневых морфем незвукоизобразительной лексики, корневая морфема ономотопа не является минимальной единицей. В области звукоподражательной лексики минимальной

^I Мы имеем в виду акустические типы фонем, т.е. типы фонем как акустических сущностей (взрывные, глухие фрикативные, носовые сонорные и т.д.) [3].

единицей плана выражения, регулярно воспроизводимой согласно моделям данного языка и непосредственно соотносимой с единицей плана содержания, является акустический фонемотип (в корне ономотопа). В этом случае акустический фонемотип сходен с морфемой незвукоизобразительной лексики. В свете отмеченного выше фонема в ономотопе предстает не просто как минимальная единица плана выражения, но как такая единица, которая через посредство акустического фонемотипа соотносится с единицей плана содержания. Таким образом, корень ономотопа - как и корень любого ЭИ-слова - фактически обладает (в отличие от корня незвукоизобразительного слова) сложной словообразовательной структурой.

Сравним следующие тоновые "последударные" инстанты-континуанты (обозначения удара с последующим резонаторным тоновым неударом, или тоном) в двух неродственных языках - английском и индонезийском: англ. *tang* 'ударять в колокол, издавая громкий звенящий звук', *tonc* 'издавать низкий звенящий звук (о колоколе при ударе)', *bang* 'бам', *ting* 'издавать высокий негромкий звенящий звук (например, при ударе пули о жесткую преграду)'; индонез. *(le)tang* 'звук удара молотом по металлу', *bing (=bong)* 'подражание звуку удара в барабан', *(le)bam* 'громкий звук от падения предмета на резонирующую поверхность', *ting* 'звук колокольчика', *cing* 'звук от падения маленькой монеты на камень'.

Общая модель, по которой образуются ономотопы этого типа в указанных языках, такова:

$$\frac{PLOS}{AFFR} + VOC^{L/H, S/W} + SON^{NAS}$$

(*PLOS* - взрывной, *AFFR* - аффриката, *VOC* - краткий гласный, *L/H* - низкий/высокий, *S/W* - интенсивный/неинтенсивный, *SON^{NAS}* - носовой сонорный).

Функция начального взрывного (или, в менее точном звукоизображении, аффрикаты) - передача взрывного, импульсного, "ударного" характера звучания в его начальной стадии:

взрывной акустически представляет собою удар. Функция конечного носового сонорного - передача тонового характера звучания в его конечной стадии: носовой сонорный акустически представляет собою тон. Функция срединного краткого гласного - передача высоты и интенсивности всего звучания в целом: низкий (по тону), интенсивный гласный передает более низкий, громкий (интенсивный) характер звучания, высокий же и неинтенсивный гласный передает более высокий, более тихий (неинтенсивный) характер звучания.

В акустической структуре звучания-денотата - четыре элементарных компонента: удар, резонаторный тон, высота звука, громкость звука; первые два компонента даны сегментно, сукцессивно (во временной последовательности), вторые два - супraseгментно, симультанно (в одновременности). В фонемной структуре ономотапа - три компонента: взрывной, краткий гласный, носовой сонорный; все три даны сегментно, сукцессивно, синтагматически; первый и третий, однако, элементарны, второй же неэлементарен; в нем совмещаются три элемента: тон (этот элемент в данном случае звукообразительно не релевантен), высота звука речи (фонемы) и интенсивность (эти два элемента звукообразительно релевантны).

Все компоненты звукоподражательной модели взаимосвязаны, все они (в пределах каждого данного типа ономотопов) предполагают друг друга. К примеру, "замена" начального взрывного (аффрикаты) носовым сонорным в индонезийской модели тотчас же "переводит" ономотоп из типа тоновых "последударных" инстантов-континуантов в тип тоновых континуантов (обозначений тонового неудара, т.е. тона): ср. (de)ngung 'подражание вопу сирены, гудению'; "замена" же конечного носового сонорного взрывным (в конечной позиции несущим смычный характер) "переводит" ономотоп в тип инстантов (обозначений удара): ср. tak 'звук удара по дереву'.

Все сказанное заставляет сделать вывод, что мы вправе

говорить о синтагматических отношениях¹ в пределах ЭИ-корня.

Мы вправе также говорить о том, что непрямое звукоизобразительное слово, рассматриваемое как соположение (ряд) составляющих фонем, выступающих представителями определенных фонемотипов, являет собой специфическую для ЭИ-системы языка разновидность внутренней синтагмы², или, в нашей терминологии, интрасинтагмы. Ввиду наличия связи между звуком и значением в компонентах такой синтагмы последнюю целесообразно терминировать как фонсеминтрасинтагму, или фонсеминонтрасинтагму.

Фонсемантическая синтагматика оказывается, таким образом, столь же реальной, сколь и фонетическая, морфологическая, синтаксическая синтагматика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин С.В. Основы фонсемантики. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра Филол. наук. - Л., 1980. - 35 с.
2. Якобсон Р. Выступление на I Международном симпозиуме "Знак и система языка". - В кн.: Элегинцев В.А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1965, ч. 2. - 495 с.; Критику принципа Ф. де Соссюра см. в работе: Воронин С.В. Принцип "про-

¹ Ср. определение синтагматических отношений: "связи и зависимости между языковыми элементами (единицами любой сложности), одновременно сосуществующими в линейном ряду (тексте, речи), например, между соседними звуками (откуда явления сингармонизма, ассимиляции)...", см. с. 5.

² Ср. определение: "Синтагма внутренняя... Производное или сложное слово, рассматриваемое как соположение (ряд) составляющих морфем..." [5, с. 408].

извольности" языкового знака в свете ленинской теории отражения. Языковой знак как отражательная категория. - Вестник Ленингр. ун-та, 1980, №8, с.89-92.

3. Воронин С.В. Английские ономотопы. (Типы и строение): Дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. - Л.; 1969, т. I, гл. II, III. - 200 с.
4. Воронин С.В. Английские ономотопы. (Типы и строение): Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. - Л.; 1969. - 21 с.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Советская энциклопедия, 1966. - 607 с.
6. БСЭ, 3-е изд. - М.: Советская энциклопедия, 1976, т. 23. - 638 с.

О СПОСОБАХ КОМПРЕССИИ ИНФОРМАЦИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

На высших этапах обучения иностранному языку введение элементов стилистического анализа помогает развить у студента чувство языка, способность глубокого понимания литературы. Студент должен получить алгоритм подхода к художественному тексту, к правильной у его пониманию.

Для теоретической разработки методики правильного понимания текста важны как проблема избыточности, повторяемости информации в тексте, довольно глубоко уже разработанная В.И. Агамджановой [1], так и проблема компрессии информации в поэтическом тексте, привлекающая внимание многих исследователей в настоящее время, в частности И.В. Арнольд [2, с.226]

Для анализа следует давать тексты, продуманно отобранные с точки зрения идейной, художественной и чисто лингвистической. Этим требованиям отвечает, на наш взгляд, антивоенное стихотворение американского поэта Эдварда Эстлина Каммингса "Платон говорил".

plato told
 plato told
 him:he couldn't
 believe it(jesus

told him;he
wouldn't believe
it)lao
tsze
certainly told
him,and general
(yes
mam)
sherman;
and even
(believe it
or
not)you
told him:i told
him;we told him
(he didn't believe it,no
sir) it took
a nipponized bit of
the old sixth
avenue
el;in the top of his head:to tell
him

e.e.cummings (1894-1962)

Основная идея стихотворения заключается в том, что, хотя все философы предупреждали человечество об опасности и преступности войны, их не слушали. Проблема, как мы видим, достаточно актуальна, но содержание стихотворения, конечно, не исчерпывается одной этой мыслью. Это небольшое по размеру стихотворение, насчитывающее всего 32 лексические единицы, из которых только 20 являются полнозначными, поражает размахом во времени и пространстве, семантической и эмоциональной насыщенностью, богатством возникающих при его чтении ассоциаций.

Представляется интересным проследить, какими средствами пользуется автор для достижения такой высокой степени сжа-

тости и информативности в соединении с высокой эмоциональностью.

Композиционно стихотворение можно разделить на две части: первая и большая часть, заканчивающаяся словами *no, sir*, содержит перечисление всех, кто предупреждал об опасности войны; во второй, очень короткой, но ёмкой части дан конкретный образ, раскрывающий последствия войны.

Уже заглавие "Платон говорил" останавливает читателя и заставляет его задуматься. Имя "Платон" вызывает у читателя ряд ассоциаций. Прежде всего, вероятно, возникает мысль о древней Греции и философии. Глагол *told* показывает, что речь идет об учении Платона. В зависимости от тезауруса читателя он имеет более или менее ясное представление о философии Платона, о его учении об идеях, о познании, о государстве. Но что именно имеет в виду автор? С первых же строк стихотворения у читателя возникает два вопроса: - что говорил Платон и к кому он обращался. Перед читателем задача с двумя неизвестными, где *x* - референт местоимения *it*, т.е. предмет разговора, и *y* - референт местоимения *he*, т.е. адресат. Автор подсказывает - Иисус говорил то же. Имя "Иисус" так же вызывает целый поток ассоциаций - христианская религия, философия, мораль, проповедь. Но христианское учение обширно и, даже сравнивая его с учением Платона с целью выяснить, что у них общее, трудно получить однозначный ответ. И тут читатель получает третий ключ - имя Лао Цзы. Эрудированный читатель, а у нас возникает впечатление, что, несмотря на подчеркнуто разговорную интонацию и обороты, именно такому читателю адресовано стихотворение, знает, что Лао Цзы это китайский философ, старший современник Конфуция, считающийся основоположником философии даосизма. Теперь читатель окончательно утверждается в мысли о том, что речь идет об осуждении войны, т.к. философия "дао" осуждает всякие войны, поскольку они связаны с убийством.

Следует принять во внимание, что тезаурус американского читателя отличается от тезауруса советского читателя. Основные положения философии "дао" известны американскому читателю.

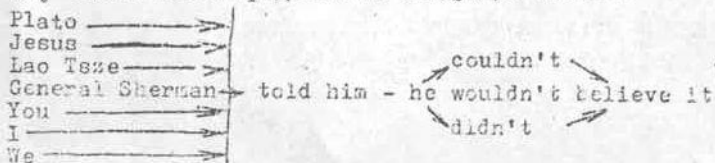
лю благодаря распространившемуся в послевоенной Америке увлечению восточной философией. В Америке довольно широко известна история с продажей металлолома Японии, вызвавшая в свое время громкий политический скандал. Поэтому мы должны ориентировать советского читателя на поиск дополнительной информации, на обращение к различным справочным материалам при встрече с именами известных личностей, способствуя, таким образом, обогащению его тезауруса.

За Лас Цзы следует генерал Шерман, что несколько озадачивает, - как попал этот полководец времён гражданской войны в ряды пацифистов? Оказывается, Вильям Текумзе Шерман выдвинул тезис о том, что, уничтожая материальную силу противника, следует щадить людей, за что и получил благодарность американского конгресса. Следовательно, выводы читателя подтверждаются ещё раз. Кроме того, упоминание генерала Шермана и его тезиса наводит читателя на мысль о том, что теперешнее руководство США придерживается прямо противоположных взглядов. Таким образом, и это имя вызывает множество различных ассоциаций.

Как мы видим, читателю всё время приходится думать, сопоставлять, анализировать. Автор не даёт ему готовых выводов, а заставляет прийти к ним путём анализа полученной информации. Каммингс не ограничивается, однако, мыслью о том, что лучшие умы человечества предупреждали об опасности войны. В число противников войны он неожиданно включает самого читателя, настойчиво убеждая его, что он действительно "говорил ему" (believe it or not), самого себя, всех нас.

Первая часть стихотворения состоит из семи параллельных конструкций с антитезой, настойчиво повторяющих мысль автора, каждый раз дополняя и обогащая её. Связность текста, таким образом, обеспечивается по типу сцепления - помещением эквивалентных элементов в эквивалентных позициях [З.с. 47].

Эту часть можно представить следующей схемой:

Если к концу первой части стихотворения предмет разговора, т.е. референт местоимения *it* проясняется, то адресат, находящийся теперь в центре внимания, не установлен. И лишь в последних строках автор подводит читателя к выводу - он - это американский солдат, погибший в Пирл Харбор во время второй мировой войны от пули, изготовленной из металла, проданного Америкой Японии незадолго до начала войны.

Стилистическая палитра автора в этом небольшом стихотворении очень богата. Отсутствие антецедента местоимения *it* и *he* создаёт композиционную ретардацию, сообщая произведению напряжённо-динамический характер [4, с.30]. Следует добавить, что в тексте стихотворения ни то, ни другое местоимение не актуализируется. Возникают сложные семантические отношения, когда референт можно определить, лишь исходя из всего произведения в целом [5, с.16], причём в одном случае это мысль, идея, которую можно сформулировать по-разному, т.е. достаточно расплывчатая, в другом - это обобщённый образ, хотя и поддающийся более или менее однозначной интерпретации. Сжатость и экспрессивность достигают максимума в заключительной части стихотворения:

it took
a nipponized bit of
the old sixth
avenue
el; in the top of his head: to tell
him

Здесь эмоциональное напряжение достигает своей кульминации. Именно здесь окончательно выясняется адресат, возникает конкретный образ, раскрывающий последствия войны. Очень ёмким и выразительным является авторский неологизм *nipponized*, образованный от имени собственного *Nippon*, что в переводе означает "страна восходящего солнца". По сравнению со стилистически нейтральным *Japan*, это поэтическое название Японии. Благодаря неожиданному употреблению с суффиксом *ize* слово это приобретает отрицательную оценочную коннотацию. Все сочетание *a nipponized bit of the old sixth avenue el*

является перифразом, передающим большое количество информации как на денотативном, так и на коннотативном уровне. в предельно сжатой форме. Автор ссылается на тот известный факт, что снесённая надземная железная дорога с Шестой Аvenues была продана Японии на металлолом, и случилось это незадолго до сражения в Пирл Харбор, где погибло большое количество американских солдат. Таким образом, американский солдат был убит не просто безличным куском металла, а "японизированным куском старушки-надземки с Шестой авеню". В результате конкретизации такого рода /здесь можно говорить и о наличии метонимической связи/ мысль автора получает ещё более яркое выражение, предательство американского правительства выступает ещё нагляднее, а смерть одураченного американского солдата ещё нелепее.

Стихотворение воспринимается как предупреждение не только американскому солдату, но и всему человечеству.

Мы не станем останавливаться на графике Каммингса, так как она в данном случае особой стилистической нагрузки не несёт, хотя и привлекает внимание читателя своей эксцентричностью, а также потому, что она довольно подробно рассматривалась [6, с.240].

На основании проделанного анализа представляется возможным сделать следующие выводы:

1. компрессия информации, наблюдаемая в стихотворении Каммингса, достигается, в основном, за счет следующих двух факторов:

употребления автором имен собственных, обладающих высокой степенью эвкативности /термин С.Ульмана/, т.е. способностью вызывать большое количество ассоциаций;

использования способности местоимений употребляться на протяжении больших отрезков текста без чередования с референтом, опережая его, имплицитно его, если он не появляется в тексте, вступая с референтом в сложные семантические связи [7, с.24];

2. проделанное небольшое исследование позволяет сделать некоторое обобщение, а именно предложить в качестве одного

из компонентов алгоритма разбора текста расшифровку контекстуального значения собственных имён.

Литература

1. Агамджанова В.И. Контекстуальная избыточность лексического значения слова. - Рига : Зинатне, 1977. - 123 с.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. - Л.: Просвещение, 1973. - 303 с.
3. Арнольд И.В. Указ. соч.
4. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. - Л.: Просвещение, 1979. - 327 с.
5. Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. - М.: Наука, 1974. - 323 с.
6. Арнольд И.В. Указ. соч.
7. Гомберг Е.И. Стилистические функции местоимений в современной английской и американской прозе: Автореф. канд. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук. - Л.: ЛГУ им. А.А.Жданова, 1976. - 25 с.

НЕТРАНСЛИТЕРИРОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПОЭМЕ
ДЖ.Г. БАЙРОНА "ДОН ЖУАН"

Иноязычные нетранслитерированные слова и выражения встречаются в поэзии многих авторов. Вспомним, например, роман в стихах А.С. Пушкина "Евгений Онегин" или сатиры А. Попа. В этих поэтических произведениях мы обнаруживаем сентенции и цитаты из латыни, слова и выражения из итальянского и французского языков. Среди этих иностранных выражений и слов встречаются и собственно фразеологизмы.

Существующие немногочисленные статьи по нетранслитерированной фразеологии отражают исключительно ее использование в прозе [1, с. 132]. Стихотворное употребление фразеологизмов и других устойчивых словесных комплексов, однако, сопряжено с некоторыми особенностями. Так, в начале или середине поэтической строки фразеологические единицы (далее ФЕ) следуют не только велению смысла, но и формальной организации стиха, т.е. метру, а в конечной позиции они должны быть подчинены еще и рифме. Вот как, например, вплетается итальянское выражение *far niente* (безделье, праздность) в четырехстопный ямб "Евгения Онегина".

Брожу над озером пустынным,
И *far niente* мой закон.

(I - LV)

В той же поэме латинское выражение *et cetera* поддерживается рифмой.

Предмет и мысли, и пера
И слез, и рифм, *et cetera*?

(III - II)

Использование иноязычных слов и выражений особенно характерно для поэмы Дж.Г. Байрона "Дон Жуан". В ней кроме сентенций и цитат из античной классики, отдельных слов и выражений из итальянского и французского языков, встре-

чаются и фразеологизмы *per se*. Обилие иноязычных ФЕ в поэме не может остаться незамеченным. Это такие латинские выражения, как *in medias res*, *verbum sat*, *Arcades ambo*, *ignus fatuus*, *carpe diem*, отмеченные в приложении к "Англо-русскому фразеологическому словарю", и французские *beau ideal*, *tete a tete*, *mal a propos*, *a propos de botte*, *faux pas*, *bonne fortune*, зарегистрированные во "Французско-русском фразеологическом словаре".

Следует отметить, что в их использовании Байрон проявляет себя блестящим и изобретательным стилистом. Иноязычные нетранслитерированные фразеологизмы органично вписываются в ткань английского пятистопного ямба. В отличие от собственно английских ФЕ, иноязычные фразеологизмы, как правило, вносятся в текст в узуальной форме и не подвергаются сложным структурно-семантическим преобразованиям. Однако, мы встречаем некоторые оригинальные стилистические приемы внесения иноязычных фраз и выражений в контекст:

But just suppose that moment should betide,
I only say suppose it - i n ' t e r n o s
(This should be entre nous, for Julia thought
In French, but then the rhyme would go for nought).
(I - LXXXIV)

Байрон умышленно вводит французский фразеологизм *entre nous* (между нами, по секрету) в текст в переводе на латынь, добиваясь таким образом рифмы (автор сам это отмечает). Повторение этого выражения, кроме того, еще более убеждает читателя в греховности и безнравственности помыслов Джулии. Другой пример:

But carpe diem, Juan, carpe, carpe.
(XI - LXXXIV)

Повторение первого компонента латинского фразеологизма *carpe diem* (пользуйся сегодняшним днем, лови момент) выступает интенсификатором по отношению к самой ФЕ и выражает настойчивое побуждение к действию. В другом месте

Байрон повторяет первый компонент французского выражения *bonne fortune* (удача, везение), предостерегая героя от поспешных решений:

'Tis best to pause, and think, ere you run on,
If that a bonne fortune be really bonne.

(XIV - LXIV)

Иногда рифмой иноязычному выражению служит слово того же языка. Так, например, французская ФЕ *tete a tete* (наедине) рифмуется с *bete* (зверь).

Yet think, a specimen of every class
Is better than a humdrum tete a tete.

The days of Comedy are gone, alas,
When Congreve's fool could vie with Moliere's bete;
Society is smooth'd to that excess,
That manners hardly differ more than dress.

(XIII - XCIV)

Случай этот, однако, редкий. Как правило, рифмой иноязычному фразеологизму служит исконно английское слово:

..... who had no sin to show,
Save that of dreaming once mal-a-propos.

(VI - LXXXIV)

Во всех приведенных примерах происходит мощное выдвигание [2, с. 410] иноязычных ФЕ благодаря следующим факторам:

- 1) неожиданности появления в английском тексте иноязычного выражения;
- 2) способу введения ФЕ в речь (например, повтор одного из компонентов ФЕ);
- 3) рифме.

Все это свидетельствует о том, что употребление иноязычных выражений в тексте поэмы не было просто забавой высокообразованного поэта. В каждом отдельном случае иноязычные фразеологизмы являются необходимым автору языковым средством наиболее адекватной передачи содержания.

Они, безусловно, придают стилю Байрона оттенок литературности, что сам автор, творчески наследуя традиции классицизма, считал достоинством поэтического произведения.

В употреблении латинских выражений в широком смысле слова, т.е. включая цитаты и сентенции, с одной стороны, и французских - с другой, наблюдается большое различие. Латинь - язык наук и мудрости - служит автору зачином поэтических раздумий или, напротив, подводит итог сказанному, зачастую в сатирическом или пародийном ключе; французские же выражения являются средством легкой шутки, они как бы настраивают читателя на атмосферу *beau monde*.

Итак, обращение Байрона к иноязычной фразеологии можно считать одним из авторских приемов, расширяющих возможности родного языка и обогащающих его стилистические ресурсы. Из всех английских поэтов-романтиков использование иноязычных выражений присуще только Байрону. Другие поэты отвергали этот литературный прием как чуждый демократическим идеалам романтической литературы.

Литература

1. Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии /Под ред. проф. М.М. Копыленко. - Самарканд, 1974. - 240 с.
2. Термин пражской лингвистической школы. Означает явление, обратное автоматическому употреблению лингвистических средств. См.: Я. Мукаржовский. Литературный язык и поэтический язык. - В кн.: Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. - 457 с.

ТЕРМИНОЛОГИЯ ГЕНЕТИКИ И ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
РАЗЛИЧНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПОДСИСТЕМ

В сложную лексическую систему каждого языка входит множество подсистем, выделяемых по разным признакам (различные функциональные стили, семантические поля, терминологические системы разных специальностей, части речи и т.д.). Все эти подсистемы оказываются пересекающимися множествами и по-разному взаимодействуют. Большое и важное место в них занимает терминологии различных отраслей знания.

Задача настоящей статьи проиллюстрировать некоторые взаимодействия терминологии генетики с системой общенациональной лексики и другими терминологическими системами современного английского языка. Терминами генетики мы называем слова, которые в обследованных нами словарях [1, 2] обозначают понятия, связанные с наследственностью и изменчивостью организмов. Кроме этого, сюда относятся термины, не включенные в словари, но встречающиеся в монографиях, где дается авторское толкование, указывающее на принадлежность данного термина к генетике.

Терминология генетики представляет большой интерес по ряду причин. Специфичность ее заключается в том, что эта терминология молодая. В то время как другие терминологии развивались веками на основе профессиональной лексики и обиходного языка, терминология генетики сложилась в основном за последние тридцать лет.

Путь развития генетики был очень сложным. В ее открытиях сыграли большую роль успехи многих наук, в особенности химии, физики, статистики, а также других разделов биологии. Без успехов этих наук были бы невозможны и открытия генетиков. Связи наук отражают связи в реальных объектах их исследования и, в свою очередь, отражаются на

их терминологиях и метаязыке вообще. Естественна поэтому та большая и органическая связь, которая существует между соответствующими терминосистемами.

Для плодотворного сотрудничества представителей разных наук очень важно, чтобы интеграция и дифференциация в процессе развития научного познания была бы продуманно отражена в их терминах в научной и учебной литературе по этим специальностям, а это ставит важные и ответственные задачи перед терминоведением. Большой интерес в связи с этим представляют слова и другие элементы (например, аффиксы), используемые в разных терминосистемах с некоторыми видоизменениями, зависящими от специфики каждой науки. Если эти различия должным образом не оговорены, они могут привести к неправильному пониманию. Научность подхода к объекту в значительной степени зависит от строгости формулировок, единства и продуманности дополнительных метаязыковых средств¹. Слово и, в частности, термин являются необходимым языковым средством закрепления и развития понятия. Ни одно понятие в науке не существует изолированно, поэтому от удачности или неудачности термина может зависеть и судьба связанных понятий. Развитие науки ведет к образованию все новых и новых терминов, к все большей дифференциации лексики, которая частично уравнивается процессом лексической интеграции за счет приобретения новых значений уже имеющимися словами, то есть за счет развития многозначности.

При рассмотрении терминологии генетики с точки зрения ее связи с другими лексическими подсистемами можно обнаружить и выделить следующие группы терминов:

I. Специфически генетические термины, не встречающиеся в других терминологиях и не проникшие в общезыковую систему.

¹ Под метаязыковыми средствами понимаются не только специальные термины, но и буквенные символы, схемы, графы, графическое представление химических связей и т.п.

2. Термины словосочетания, один элемент которых является общим с другими терминосистемами, но уточнен определением.

3. Термины, встречающиеся в других терминосистемах и, возможно, в общенародной лексике и отличающиеся дифференциальными семами при общности архисем и классем.

4. Термины словосочетания, оба элемента которых встречаются в других терминосистемах или в общенародной лексике.

5. Термины, возникшие в генетике и вошедшие в общезыковую лексику в результате проникновения обозначаемого понятия в общий языковой тезаурус.

6. Общенаучные термины.

7. Термины, имеющие в других терминосистемах дублирующе-омонимы.

С точки зрения соотношения с другими лексическими системами, можно выделить этимологическую общность, которую целесообразно рассмотреть с двух сторон, а именно: со стороны интенсивной интернационализации терминологии генетики и со стороны широкого развития греко-латинских корней. Выделенные группы интересно оценить в аспекте лексической полисемии. Под полисемией принято понимать наличие у одного слова нескольких, связанных между собой значений. Соответственно моносемией, или однозначностью, называют наличие у слова только одного значения. Моносемию не следует смешивать с моносемностью. Однозначное слово обычно полисемно, то есть единственное его значение образуется из нескольких сем. Многозначное слово содержит в своей семантической структуре несколько лексико-семантических вариантов (ЛСВ), значение каждого из которых содержит несколько сем. Между семами существует иерархия: ведущей семой является категориальная сема, или классема, выражающая лексико-грамматическое значение, т.е. определяющая принадлежность слова к тому или иному лексико-грамматическому разряду, далее идет архисема, относящая слово к тематической группе

внутри этого разряда, и, наконец, дифференциальные семы, выделяющие и дифференцирующие денотат. Английское *mutant* и его русский эквивалент "мутант" содержит категориальную сему принадлежности к живой природе, архисему "организм" и дифференциальные семы изменения наследственных свойств в результате мутации. Выделить в данном слове более привычную категориальную сему одушевленности не представляется возможным, так как генетика изучает мутации не только у человека и животных, но также у растений и микроорганизмов.

Широко распространенное заблуждение относительно однозначности как обязательного свойства термина понемногу рассеивается. Теперь уже многие понимают, что утверждать, что термин обладает свойством однозначности, означает — принимать желаемое за действительное. За последнее время появилось несколько работ о полисемии в терминологии [4, 5], в которых не только подтверждается существование полисемии в пределах какой-нибудь одной терминологической системы, но и обосновывается, что существование одних и тех же терминов в различных терминосистемах следует рассматривать как полисемию. Для обозначения этого явления используются следующие термины: "функциональная полисемия", "межсистемная полисемия", "внешняя полисемия", но наибольшее распространение получил в последнее время термин "межотраслевая полисемия".

В перечисленных выше группах однозначные термины входят, по преимуществу, в первую группу, в которую включены узкоспециальные термины генетики: *autosome*, *allele*, *cistron*, *genome*, *neomorph*, *pleiotropy*, *transposon*. Большинство этих терминов специально созданы из греческих корней.

Особенностью терминологии генетики является довольно значительная глубина терминов, что выражается в привлечении большого количества узкоспециальных терминов в словарные дефиниции:

nucleosome - any of the globular nucleoprotein particles along the DNA molecule connected by DNA filaments in chromatin.

Однако и в этой группе имеются термины, встречающиеся в генетике с разными значениями:

monosome - 1. A single mRNA-ribosome complex.

2. A chromosome lacking a homologue.

revertant - 1. An allele that undergoes reverse mutation.

2. An organism bearing such an allele.

Не случайно поэтому во многих специальных работах авторы строго следят за тем, чтобы давать свою дефиницию даже более или менее известным терминам. Так, термин "генотип" был введен в научный обиход В. Иоганнсенем в 1903 году. До настоящего времени у различных авторов нет единой формулировки его дефиниции:

1. "Под генотипом мы понимаем совокупность наследственных задатков, которыми обладает организм" [6, с. 110].

2. "Под генотипом мы понимаем весь набор генов данного организма, включая и расположение генов в хромосомах" [7, с. 43].

3. "Двойной набор генов - наследственную конституцию особи, по данному признаку (или признакам) заложенную в ней генетическую программу, определяющую развитие, - называют генотипом" [8, с. 77].

Наиболее эффективным способом обеспечения однозначности термина является добавление к нему определения или даже нескольких определений. Такие термины словосочетания, один элемент которых является общим с другими терминосистемами, но уточнен определением, представлены преимущественно во второй группе: genetic field, chromatid aberration, meiotic incersion, oriented meiotic division.

Для сравнения приведем ряд терминов-словосочетаний, принадлежащих различным терминосистемам, где в качестве опорно-о элемента использован общенаучный термин field: genetic field (генное поле), electric field, temperature

field, gravitational field, semantic field.

Третья группа, куда включены термины, встречающиеся в других терминосистемах и, возможно, в общенародной лексике, является основным источником полисемии. Тут можно обнаружить разные случаи: метафору и специализацию. В первом случае происходит перенос значения общеупотребительного слова на основе сходства по форме или функции: coil, puff, bridge, spindle, target, mutation.

Coil - виток, один полный оборот внутренней спирали хромосомы.

Target - мишень, область попадания, специфический хромосомный объем, в котором путем ионизации может быть вызвана генная мутация или разрыв хромосомы.

Во втором случае - сужение значения общеупотребительного слова, что наряду с метафорой и метонимией является распространенным способом семантического образования новых терминов:

disjunction - дизъюнкция, расхождение удвоившихся хромосом в анафазе.

Arm - плечо хромосомы, один из двух главных, разделенных отрезков хромосомы.

В четвертую группу входят термины словосочетания, каждый из компонентов которых является общеупотребительным словом и может входить в другие терминосистемы. Здесь можно выделить следующие синтаксические сочетания: сущ. + сущ. - bouquet stage (стадия "букета", особое петлеобразное расположение хромосом, встречающееся у некоторых организмов во время зиготенной и пахитенной стадий мейоза), base pair, comb shape, cascade regulation, complex locus; причагат. + сущ. - accidental sport (соматическая мутация, внезапно возникшее у единичных растений или у их отдельных побегов наследственное отклонение от формы), negative interference, distributive pairing, translational control; прич. + сущ. - replicating fork (репликационная вилка, имеющий форму Y участок хромосомы), breeding size, be-

lanced stock.

Интересным и, пожалуй, особенно характерным для современной эпохи является случай, когда в связи с развитием науки и все более широким ее распространением, термины генетики переходят в общий язык. Такие термины представлены в пятой группе. При этом получается обычно не многозначность, а двузначность. Термин "ген", например, входит в общий язык не со всем арсеналом своих сем, а только в смысле "главная частица передачи наследственных свойств", но имеет в науке и свой более точный вариант со значением "участок молекулы геномной нуклеиновой кислоты, характеризующий специфическую для него последовательность нуклеотидов, представляющий единицу функции, отличной от функций других генов и способный изменяться путем мутирования" [9, с. 332].

Для шестой группы, то есть для общенаучных терминов, (amplification, reduction, transformation, interference) характерна не столько многозначность, сколько широта значения и большая зависимость от контекста.

В седьмой группе представлены немногочисленные дублеты-омонимы, имеющиеся в других терминосистемах. Так, общенаучный термин strain (деформация) имеет в терминологии генетики значение "искусственно скрещиваемая группа, имеющая общего предка".

Правильное решение вопроса о полисемии в рамках упорядочения терминологии имеет очень большое значение для того, чтобы терминологии разных наук могли коррелироваться, чтобы термины не только соответствовали свойствам той системы, в которую они входят, но и не вступали бы в противоречие со свойствами смежных подсистем, так как никогда не исключена возможность, что науки, которые в настоящее время разделены, не образуют в будущем новых объединений и стыков.

Выше мы не раз говорили о системах и подсистемах, но не давали определения системы и не останавливались на спе-

цифике ее современного понимания.

Под системой понимают упорядоченную и внутренне организованную совокупность взаимосвязанных объектов. В истории учения о системах различают три периода: учение о системах как жестко детерминированных совокупностях, учение о стохастических системах и учение об адаптивных системах. В языкознании разные исследователи молчаливо принимают то тот, то другой из этих типов. Мы будем иметь в виду системы адаптивные, то есть будем считать, что лексика языка и ее подсистемы находятся в состоянии непрерывного развития, адаптируясь к изменениям условий своего функционирования. При понимании системы языка, как жестко детерминированной предполагалось, что номинация новых, ранее неизвестных науке предметов и понятий происходит из готового материала по уже установленным в данном языке нормам словообразования. Между тем, уже существующие в лексике слова и модели не только дают материал для новых слов, но своим присутствием воздействуют на предпочтение, оказываемое той или иной модели. Приспосабливаясь к новым условиям циркуляции информации внутри системы и между системой и средой, система изменяет не только свои элементы, но и свои свойства. В этом состоит главное отличие системы адаптивной от системы стохастической.

Различают самонастраивающиеся и самоорганизующиеся адаптивные системы. В самонастраивающихся системах адаптация происходит за счет изменения параметров системы; в самоорганизующихся-дополнительно изменяется самая структура системы. Терминосистема такой бурно развивающейся науки, как генетика, является одновременно и самонастраивающейся и самоорганизующейся.

Рассмотрим процесс и механизм взаимодействия термина и лексической системы языка на примере термина *gene* "ген", одного из опорных терминов генетики.

Генетический и цитологический словарь Р. Ригера и А. Михаэлиса, в котором большое внимание уделяется истории

науки и, по возможности, указывается, когда и кем был впервые введен в научный обиход данный термин, датирует его 1909 годом. Термин быстро и органично вошел в лексическую систему английского языка, хотя определяется ведущими словарями несколько по-разному. Представление о нем как элементе, от которого зависит передача наследственных черт в процессе развития науки, несколько менялось. Во времена Менделя с таким значением употреблялись слова "элемент наследственности", "наследственный фактор". В 50-е годы его на время вытеснили термины "цистрон", "рекон" и "мутон". Теперь "ген" практически не имеет синонимов.

Успеху этого термина сильно способствовало то обстоятельство, что ко времени его появления в английском языке уже существовало немало слов от того же греческого корня с инвариантной семой "порождение", таких, как generation, generate, genesis, genealogy, genetic и др., каждое из которых имело свое словообразовательное гнездо. Существовал уже и суффикс -gen, -gene с такой же семантикой -hydrogen "производящий воду" (ср. oxygen, nitrogen). Существовало и множество слов от индоевропейского корня *gen "производить", "рождаться". Наконец, односложное gene вполне соответствовало английской фонетической системе и очень удобно произносилось, и, кроме того, уже был введен в научный обиход термин genetics (В. Бэтсон, 1906 г.).

Поэтому, хотя создатель этого слова датский физиолог растений В. Иогансен произвел его от греческого γενεα с некоторым видоизменением, что известно и подтверждено в литературе, оно может рассматриваться и как реверсия.

В условиях современного вторжения науки в повседневную жизнь многие словосочетания с этим словом закрепились в лексике английского языка, свидетельством чего является их появление в словаре Бархардта, который, как указано в предисловии, включает в свой словник только обиходные (common) слова. Это такие словосочетания, как gene deletion, - insertion, - pool, genetic alphabet, - code, -co-

ruing, - load. Появление новой науки изменило смысл уже существовавшего в языке прилагательного. Слово genetic - генетический, гениный стало указывать на принадлежность к генетике и употребляться как определение в терминах-словосочетаниях, второй элемент которых употребляется либо в общенародной лексике, либо в других терминосистемах.

Обратим внимание на взаимодействие различных лексических подсистем на примере слова "код", тоже интернационального и тоже имеющего в английском языке длинную историю. Оно попало в Англию в среднеанглийский период через французский язык и происходит от лат. codex. Первоначально это был юридический термин и означал "свод законов", затем уже в XIX веке оно получает переносный смысл "правила поведения вообще", затем становится и техническим термином "система сигналов" в телеграфии (код Морзе). В XX веке оно употребляется в кибернетике, теории связи, лингвистике и т.д. как универсальный способ отображения информации, как система символов и правил их соединения. Наконец, в генетике появляется термин genetic code - триплеты оснований ДНК и РНК, которые несут генетическую информацию для белкового синтеза. Вместе с ним появляются термины "считывание кода", "проблема кодирования", "словарь генетического кода", а также созданные на его основе новые узкоспециальные термины "кодон" и "антикодон".

Во всех случаях слово сохраняет определенный инвариант значения - "элементы, передающие информацию", и поэтому представляется возможным рассматривать его как одно многозначное слово, а не как набор синонимов. Следовательно, мы не можем согласиться с точкой зрения, согласно которой это явление следует считать межотраслевой омонимией [Ю. с. 10].

В данном случае, рассматривая лексику как систему, мы имеем дело с явлением межотраслевой полисемии, которая

особенно большое распространение получила в современный период интеграции наук.

Литература

1. A Dictionary of Genetics. - London: Robert C.King, 1974.
2. Glossary of Genetics and Cytogenetics. - Jena: R. Rieger, A. Michaelis, M. Green, 1976.
3. Англо-русский словарь генетических и цитологических терминов /Сост.Л.М.Салганик. - Новосибирск:Наука, 1973. - 143 с.
4. Воскресенская Л.И. Смысловая структура английских технических терминов: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. - М., 1980. - 22 с.
5. Козлова Г.В. Полисемия научно-технического термина (на материале современного английского языка): Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. - Л., 1980. - 17 с.
6. Лобашов М.Е. Генетика. - Л.:Изд-во Ленингр.ун-та, 1967. - 280с.
7. Ауэрбах Ш. Генетика. - М.: Атомиздат, 1968. - 280 с.
8. Карузина И.П. Учебное пособие по основам генетики. - М.: Медицина, 1980. - 224 с.
9. Гершензон С.М. Основы современной генетики. - Киев: Наукова думка, 1979. - 506 с.
10. Даниленко В.П., Скворцов Л.И. Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии. - Вопросы языкознания, 1981, № I; с. 7-16.

АКТУАЛИЗАЦИЯ НОВЫХ ОЦЕНОЧНО-ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ
ЗНАЧЕНИЙ АНГЛИЙСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В ПОЛУПРЕДИКАТИВНЫХ ПОЗИЦИЯХ

Проблема взаимодействия семантических признаков единиц различных уровней, в частности лексического и синтаксического, привлекает внимание многих лингвистов.¹

В данной статье рассматривается специфика взаимодействия семантики новых характеризующе-оценочных лексико-семантических вариантов английских существительных с семантическими признаками высказывания на основе таких понятий, как фокус высказывания, выделение темы и ремы. Анализ проводится с опорой на формально-грамматическую структуру предложения.

Новые характеризующе-оценочные ЛСВ представляют собой результат вторичной номинации, т.е. результат использования данного знака для обозначения нового объекта [2]. Специфика оценочно-характеризующей семантики исследуемых ЛСВ описана автором [3]. Автором также выделены и описаны три различных типа оценочных ЛСВ (исходя из соотношения объективных и субъективных факторов и от степени эмоционально-оценочного потенциала их значения): оценочные ЛСВ субъективной характеристики (*knave-jerk* – о человеке, характеризующемся автоматизмом поведения); ЛСВ субъективно-объективной характеристики (*trunk* – о наркомане); ЛСВ объективной характеристики (*sage* – о женском платье ажурной формы).

Исследуемые характеризующе-оценочные ЛСВ обладают признаковым значением, но воплощается такое смысловое содержание в именах предметов и лиц. "Тем самым имена за формой существительного и первичной для него функцией обозначения предметных сущностей "скрывают" предикатную семантику, представляя собой скрытые семантические предикаты" [4].

¹ См., например, Агамджанова В.И. [1].

В процессе анализа мы попытаемся ответить на следующие вопросы:

1. Каким образом происходит актуализация внутрислов-ной предикации исследуемых единиц в полупредикативных по-зициях приложения и определения?

2. Каким образом оценочная семантика анализируемых ЛСВ коррелирует с семантикой предложения, иначе говоря, какова степень участия семантики предикатных ЛСВ в смысло-вой организации предложения?

а) Определение.

Позиция определения является естественной для предикатных ЛСВ в силу признакового характера их семантики. Как известно, определительные связи представляют собой свернутые предикативные связи и находятся в прямом соотношении с понятием полупредикативности. Определение - это погашенное сказуемое в одном случае и более или менее при-глушенное - в другом [6, с. 89, 91].

Анализ функционирования в позиции определения оценоч-ных ЛСВ субъективной характеристики показал, что между оп-ределяемым и определением существует скрытая неактуализи-рованная (представленная как данная) предикация. Например: "Marooned" on the other hand a sci-fic space epic is to- talstraight Dullswille... At times this picture seems, like a straight-faced parody of nice-guy, concerned - Ame- rican stereotypes and their dummies in space have left dum-dum wives below. (The New-Yorker, Jan. 3, 1970); (dum- dum - a stupid person). Скрытая предикация, существующая между определяемым wives и определением dum-dum, может быть эксплицирована через трансформацию предикативации [7].

dum-dum ---> the wives are dum-dums.

Или

The board seems to encourage the local state of po- litical apathy depending on entrenched hacks and knee-jerk Republicans to turn out the winning vote. (The N.-Y., Febr. 12, 1971).

Функционируя в позиции определения, предикатные ЛСВ субъективной характеристики, как правило, входят в состав автосемантических или синсемантических сегментов,¹ снимающих "напряжение",² возникающее в предшествующем сегменте. В пределах автосемантического сегмента "напряжение" возникает и ликвидируется. В пределах синсемантического сегмента напряжение либо только возникает, либо только ликвидируется. Автосемантические сегменты и синсемантические сегменты, снимающие напряжение, рематичны по своей природе [8, с. 65]. Очевидно, предикатные ЛСВ стремятся к функционированию в рематичных сегментах в силу своей внутренней рематичности, что определяется оценочно-характеризующей природой предикатных ЛСВ (ибо они предикцируют качественный признак, а предикация — это выводное, новое знание). Исходя из того, что степень внутренней рематичности исследуемых единиц прямо пропорциональна степени эмоционально-оценочного потенциала, предикатные ЛСВ трех типов в разной степени тяготеют к функционированию в составе рематичных сегментов. Более всех тяготеют к функционированию в рематичных сегментах, актуализируя при этом свою внутреннюю рематичность, предикатные ЛСВ субъективной характеристики. Это объясняется самой высокой степенью эмоционально-оценочного потенциала ЛСВ этой группы. Они несут рематичную³ нагрузку в

¹ Синтаксической автосемантией мы считаем отсутствие, а синсемантией — наличие у сегмента обязательных внешних синтаксических, в том числе лексико-синтаксических и интонационных связей [8, с. 65].

² Ср. термин *Spannung* К. Боаста [9].

³ При выделении ремы и темы используется широко известная вопросно-ответная методика (с помощью вопроса "Что хотел выразить говорящий в акте вербальной коммуникации?"). Кроме того используется методика, предложенная Л.П. Чаховян [10], с учетом номинативных и дейктических средств.

предложении в целом. Например:

In the tenth Joe Di Maggio stepped up and demonstrated his old speciality: winning ball games with clutch home runs. (The New York Times, Aug. 14, 1968); (clutch - a critical situation).

Или:

We think John Lennon is a fink pacifist on a super ego trip. (Harper, Jun., 1970); (fink - a person who is disapproved of). Оценочные ЛСВ clutch и fink входят в состав автосемантических сегментов и формулируют фокус высказывания. Рематичность указанных ЛСВ манифестируется неопределенным артиклем и/или конечной позицией в предложении.

Коммуникативная нагрузка предикатов с у б ъ е к т и в н о - о б ъ е к т и в н о й х а р а к т е р и с т и к и оказывается несколько сложнее в силу меньшей степени внутренней рематичности. По отношению к определяемому существительному они являются ремой, однако, в целом в предложении в комплексе с определяемым существительным они выполняют функцию темы. Так в высказывании Mrs. Handy's lockstep method produced a handful of published novels (The New Yorker, March 12, 1972) предикатный ЛСВ lockstep в комплексе с существительным method выполняет тематическую функцию, на что указывает существительное в притяжательном падеже. Однако по отношению к слову method предикатный ЛСВ lockstep выполняет функцию ремы, что эксплицируется через трансформацию предикативации:

Mrs. Handy's lockstep method. ---> Mrs. Handy's metod is a lockstep.

или

On those paranoid or downer days it is easy to take offence. (The New York Times, Aug. 16, 1970); (downer - smth. depressing).

Cf.: On those downer days --> those days were downers. Таким образом, предикатные ЛСВ субъективно-объективной характеристики, как правило, не коррелируют с фокусом всего

высказывания в целом, а участвуют в построении фокуса отдельного словосочетания.

Как показал анализ, предикатные ЛСВ в позиции определения реализуют все компоненты своего системного значения, плюс к этому приобретают дополнительные экспрессивные оттенки¹ (как известно, существительные, употребленные в функции определения, отличаются от своих синонимов: а) краткостью, б) образностью, в) эмоциональной окрашенностью) [12, с. 170-171]. Особенно наглядно приобретение дополнительных экспрессивных оттенков проявляется в атрибутивных комплексах с предикатными ЛСВ субъективно-объективной характеристики. Так, в предложении *It is the company's flagship store* (Harper, Jun., 1970) предикатный ЛСВ *flagship* (*smth. of first rate*) в позиции определения здесь явно наращивает свою экспрессивность, что становится очевидным при замене данного ЛСВ его синонимом (*the finest or the most important one*).

Или: *The rather butch nun holding the baby is actually a boy Picasso knew who was dressed up to add to the picture a glorious note, and the doctor is Picasso's father.* (The Atlantic, Jun. 26, 1969); (*butch* - a female who acts as a male). Происходит наращивание эмоционального потенциала ЛСВ *butch*. Однако, заняв позицию сказуемого, предикатный ЛСВ становится менее экспрессивным.² Это выявляется в процессе трансформации:

The rather butch nun ----> The nun is a butch.

¹ Ср. замена прилагательных существительными в позиции определения - одна из любимых фигур экспрессивного языка. См. [11, с. 243].

² Ср. в этой связи психологическую интерпретацию определительной позиции прилагательного в препозиции и постпозиции: прилагательное в препозиции характеризует значение существительного в субъективно-оценочном плане, а в постпозиции характеризует его интеллектуально, с чисто понятийной точки зрения. См. [13].

It's the company's flagship store ----> The store is a company's flagship.

Анализ определительных комплексов с предикатными ЛСВ объективной характеристики показал, что характер отношений между определителем - предикатным ЛСВ и определяемым существительным несколько иной. Если в атрибутивных комплексах с единицами субъективной и субъективно-объективной характеристики определение представляет собой приглушенное сказуемое, которое легко эксплицируется трансформацией предикативации, то в атрибутивных комплексах с ЛСВ объективной характеристики определение представляет собой полностью погашенное сказуемое, для его экспликации при трансформации необходимо ввести дополнительный элемент like. Например:

A few days later I visited a local black shop. I was startled to see a not young white woman, spike heels, a jumper and platinum hair, piled up in a bubble hair-do. (The Atlantic, Aug. 16, 1970).

a bubble hair-do ---> her hair-do is bubble-like.

Или:

The school suffered from a domino sequence of dropouts. (The New-Yorker, March 18, 1971).

a domino sequence of dropouts ---> the sequence of dropouts is domino-like.

Таким образом, в определительных комплексах с оценочными ЛСВ объективной характеристики степень экспликации скрытой предикативности ниже, чем в определительных комплексах с ЛСВ субъективной характеристики. Это объясняется особенностями природы предикатных знаков трех видов. ЛСВ субъективной характеристики, будучи носителями самой высокой степени внутрисловной предикации качественное типа, легче всех эксплицируют свою внутреннюю релятивность.

Естественно, возникает вопрос о том, всякие ли определительные комплексы являют собой скрытую предикативность, т.е. всякое ли существительное-определение с легкостью занимает позицию сказуемого. Для сравнения были проанализи-

зированы определительные комплексы с идентифицирующими (т.е. называющими) именами. Оказалось, что трансформация предикативации с данными именами невозможна. Так, невозможно трансформировать

house objects --/→ the objects are house-like
flower bed --/→ a bed is flower-like.

Причина этого заключается, по-видимому, в том, что предикатная номинация несет в себе качественный признак, выделяемый в определяемом существительном как основной; предикатные определители выделяют отдельный, наиболее существенный признак в определяемом. Например: удрученность, угнетенность - downer; луковкообразная форма - bubble; свойство увлекать за собой других при падении - domino; посему они легко занимают позицию сказуемого. Идентифицирующие же имена определяют в целом весь референт, весь комплекс его свойств. И посему не могут занять с легкостью позицию сказуемого. Исключение составляют существительные, обозначающие материал. Например: iron ring ---→ the ring is iron; stone wall ---→ the wall is stone. Но подобная трансформация несколько искусственна.

б) Приложение

Как известно, приложение очень близко по своей природе определению и вместе с определяемым словом является слабосвязанной предикативной конструкцией. Отношения между определяемым и определяющим в данном случае являют собой отношения широкого тождества, т.е. оба выражения обозначают одно и то же, хотя отличаются объемом значения [14, с. 520].

Как показал анализ, для предикатных ЛСВ характерно функционирование в качестве пояснительного приложения. Например:

The most notorious Congressman from Iowa is cranky H.R. Gross an old knee-jerk best remembered for castigating the Reverend Bill Moyers for dancing the frug in the White House. (The New York Times, Apr., 12, 1979).

Как известно, объем определяемого при такой позиции должен быть шире объема определяющего [4, с. 520]. Однако предикатные ЛСВ в целом по своему семантическому объему шире слов идентифицирующих, т.к. обозначают все множество объектов, обладающих тем или иным признаком (свойством). Так, предикатный ЛСВ knee-jerk относит денотат, обозначаемый личным именем Gross, к множеству объектов, характеризующихся автоматизмом поведения, т.е. объем значения слова Gross заключает в себе лишь один конкретный денотат, объем значения knee-jerk заключает в себе все множество денотатов, обладающих вышеуказанным свойством. Иными словами, несмотря на позицию пояснительного приложения, предикатные ЛСВ очень близки к уточнительным приложениям.¹

Скрытая предикативная связь эксплицируется через трансформацию

Gross, a 73 year old knee-jerk --> Gross is a knee-jerk.
Особенно четко скрытая предикативная связь ощущается в парцелированных приложениях

They are impatient with the old standard of factual objective, measurable and verifiable truth, which though necessarily imperfect is at least a crude portrait of the world as it is - warts, lares, significance and all.
(Manchester Guardian Weekly, Dec. 12, 1972).

Подобно функционированию в позиции определения, здесь предикатные ЛСВ также преимущественно входят в состав автосемантических, т.е. рематических сегментов. Однако так же, как и в позиции определения, предикатный ЛСВ иногда может входить вместе с определяемым словом в тему предложения, но

¹ См. о различии объемов значения уточнительного и пояснительного приложения в указ. соч. В. Матезиуса [14, с. 505]. Ср. с мнением В. Матезиуса о том, что "Оценочное приложение очень близко к уточнительному" [14, с. 505], т.е. объем значения оценочного приложения шире объема значения определяемого слова.

по отношению к определяемому слову будет выполнять рематичную функцию.

Так, в высказывании One of the few points of agreement on Vietnam among all the current Presidential candidates - hawks Nixon and Humphrey, doves McCarthy and Kennedy and moderate Rockefeller - is the recommendation that the burden of fighting the Vietnam should be shifted back to the Saigon Government. (The Atlantic, Aug. 13, 1972) предикатные ЛСВ hawks и doves вместе с определяемыми словами Nixon, Humphrey, McCarthy, Kennedy входят в состав темы предложения. Однако если Nixon, Humphrey, McCarthy, Kennedy называют объекты, то hawks и doves характеризуют их. Занимая позицию уточнительного приложения, они обладают большим объемом значения по сравнению с определяемым словом. Скрытая предикативная связь между этими словами может быть эксплицирована путем трансформации. Hawks Nixon and Humphrey ----> Nixon and Humphrey are hawks.

Doves McCarthy and Kennedy ----> McCarthy and Kennedy are doves.

Налицо предикация квалификационного признака воинственности денотатам, обозначенным личными именами Nixon, Humphrey; признака миролюбия - денотатам, обозначаемым именами McCarthy, Kennedy, т.е. предикатные ЛСВ выполняют роль реми по отношению к определяемым словам: Данный пример является собой дважды свернутую предикацию: часть высказывания hawks Nixon and Humphrey, doves McCarthy and Kennedy - является пояснительным приложением по отношению к дополнению the Presidential Candidates. Потенциальная предикативность эксплицируется через следующую трансформацию: All the current Presidential Candidates - hawks Nixon... ----> all the current Presidential Candidates are hawks Nixon... ----> all the current Presidential Candidates are Nixon and Humphrey who are hawks.

Анализ показал, что предикативная связь отчетливее реали-

зается в случае поясняющего приложения, т.е. при его позиции, и менее отчетливо в случае уточнительного приложения, т.е. при его препозиции.

Насколько позволяет судить наш материал, позиция приложения несвойственна предикатным ЛСВ объективной характеристики. Примеры предикатных ЛСВ субъективно-объективной характеристики единичны. Как показывает анализ, при функционировании предикатных единиц как в позиции определения, так и в позиции приложения в предложении возникает своего рода полипредикативность, принципиальная возможность которой отмечалась в работах Н.Ю. Шведовой и Г.А. Золотовой, т.е. в предположении сосуществуют два предикативных центра (подлежащее + сказуемое; определяемое слово + определение, выраженное предикатным ЛСВ). Второй центр, занимающая подчиненную позицию по отношению к первому, требует своей экспликации при помощи трансформации предикативации. Однако с коммуникативной точки зрения второй центр, как правило, играет ведущую роль, т.е. обладает большей степенью коммуникативного динамизма. Ввиду того, что он является носителем основной информации, он становится психологической доминантой высказывания. Так, в приведенных выше примерах важным, новым является не действие, выраженное глаголом, а тот признак, свойство, качество, которые обнаруживаются в предмете. Так, предикатный ЛСВ слова *want* преддицирует предмету, явлению свойство быть изъяном, *love* - свойство миролюбия, *hawk* - свойство агрессивности. Предложение в таком случае становится диремой - в нем сосуществуют 2 рematicеских пика, два фокуса.

Данная полипредикативность, как показал анализ, отличается от полипредикативности в предложениях с вторично-предикативными структурами (например, с объективно-инфинитивными и субъективно-инфинитивными конструкциями). В предложениях, в состав которых входит приложение и определение, степень предикативной расчлененности второго предикативного центра ниже степени предикативной расчлененности

второго предикативного центра в предложениях с вторично-предикативными структурами. Иными словами, степень семантической слитности членов второго предикативного центра в предложениях с приложением и определением выше степени семантической слитности членов второго предикативного центра в предложениях с вторично-предикативными структурами. Именно в силу этого П центр (фокус, пик) требует своей экспликации путем трансформации предикативации.

Выводы

1. Оценочные ЛСВ трех типов в разной степени влияют на смысловую организацию предложения. Предикатные ЛСВ субъективной характеристики, как правило, несут речитивную нагрузку, тяготеют к функционированию в составе речитивных сегментов, коррелируя с фокусом всего высказывания. Предикатный ЛСВ субъективно-объективной и объективной характеристики выполняют сложную коммуникативную нагрузку — тема по отношению к определяемому слову, тема — в комплексе с определяемым словом в предложении в целом, при этом они преимущественно входят в состав тематических сегментов.

При функционировании предикатных ЛСВ в полупредикативных позициях в предложении возникает своего рода полипредикативность, в таком случае оно становится дирекмой. Оценочный ЛСВ образует П-й речитивский пик, второй внутренний фокус, который требует своей экспликации посредством трансформации предикативации.

2. Характеризующе-оценочные ЛСВ трех типов проявляют различную степень экспликации скрытой предикативации, существующей в определительных комплексах. Легче всех эксплицируют скрытую предикативность определительные комплексы с ЛСВ субъективной характеристики в силу высокой степени характеризующе-оценочного потенциала их значения (и, следовательно, высокой степени внутрисловной качественной предикации, т.е. внутренней речитивности). Сложнее

всех трансформаций предикативации подвергаются определенные комплексы с предикатными ЛСВ объективной характеристики в силу низкой степени предикации.

3. Функционируя в полупредикативных позициях, характеризующе-оценочные ЛСВ реализуют все компоненты своего системного значения, в позиции определения и поясняющего приложения в их значении индуцируются дополнительные экспрессивные элементы, происходит гиперсемантизация предикатных ЛСВ.

Литература

1. Агамджанова В.И. Итеративность семантических признаков лексики предложения. - В кн.: Синтагматическая обусловленность лексической семантики. Рига, 1980, с. 3-17.
2. Гак В.Г. Эволюция способов номинации в свете соотношения внешних и внутренних стимулов в развитии языка. - В кн.: П Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания "Диалектика развития языка": Тез. докл. М., 1980, с. 19-22.
3. Заботкина В.И. Новые предикатные лексико-семантические варианты существительных в современном английском языке. - В кн.: Семантические связи лексики. Рига, 1978, с. 36-61.
4. Телия В.Н. Семантика связанных значений речи и их сочетаемости. - В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 250-319.
5. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения. - В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 389-435.
6. Бельский А.В. Грамматическое определение как средство реализации мыслей. - Учен. зап. 1-го Моск. пед. ин-та иностр. яз., 1954, т.3, с.87, 91.

7. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. - М.: Наука, 1976. - 383 с.
8. Вейхман Г.А. Предикативное членение высших синтаксических единиц. - Вопросы языкознания, 1977, № 4, с. 49-56.
9. Воват К. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. - Berlin, 1955. - 280 S.
10. Чахоян Л.П. Коммуникативно-семантическая теория высказывания: Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. - Л., 1980. - 31 с.
11. Frei H. La grammaire des fautes. - Paris, 1929. - 317 p.
12. Marouzeau J. Entre adjectif et substantif. - In: Français moderne. Paris, 1954, № 3, p. 161-171.
13. Curso superior de sintaxis española. - Habana, 1968.- 130 p.
14. Матезиус В. Язык и стиль. - В кн.: Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967, с. 444-523.

ВНУТРИСЛОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК НИЖШАЯ СТУПЕНЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЕМАНТИКИ ТЕКСТА

Текст представляет собой относительно самостоятельную единицу речевой деятельности. Его реализация зависит от конкретно поставленной говорящим цели, а также от конкретных темпоральных и локальных условий. Таким образом, семантика одного определенного текста не является простой суммой семантики некоторого числа фраз, а представляет собой взаимообусловленную систему семантических отношений между компонентами высказывания. Семантические отношения внутри текста можно рассматривать в определенной последовательности: семантика фразы, семантика синтагмы, семантика слова и, наконец, семантика отдельных компонентов слова. Соответственно рассматриваются и семантические связи на различных уровнях анализа.

В данной статье рассматриваются семантические отношения между суффиксами и производящей основой. При этом принимаются во внимание уже реализованные, или узуальные, факты сцепления морфем внутри слова, и потенциальные, или окказиональные, случаи сцепления морфем в одно целое.

Возможность сцепления той или иной деривационной морфемы с основами гораздо более четко регламентирована, чем связи между компонентами композита. В качестве примера рассмотрим продуктивный в настоящее время суффикс *-ung*. С данным суффиксом образуются, как правило, только отглагольные существительные. Словообразовательная модель $S + ung$, т.е. основа существительного + *ung*, непродуктивна в настоящее время. Однако, при определении валентностного показателя вопрос о продуктивности / непродуктивности имеет секундарное значение.

Исходя из данных словарей, определяем, что *ung* может присоединяться к следующим основам:

$V_{st} + D(\text{ung})$ $S_{st} + D(\text{ung})$ $A_{st} + D(\text{ung})$

Присоединение суффикса *ung* к основе глагола $V_{st} + \text{ung}$ может иметь несколько вариантов. В. Флейшер [1, с. 169-174] отмечает в основном следующие:

1. $V_{st} \cdot D(\text{ung})$ - где основа глагола = симплексу (*klär-, wirk-, duld- + ung*)
2. $(P \cdot S_{st}, A_{st}, V_{st} \text{ ung})$ - где основа глагола представляет собою префиксальное образование со вторичной вербальной, адъективной или субстантивной базой (*Übertragung, Abweichung, Aneignung*)
3. $(P_1, P_2, N_{st}, A_{st}, V_{st} + \text{ung})$ - где основа глагола имеет в своей структуре 2 префикса (*Verabredung, Einberufung*)
4. $(S_{st}/A_{st}/V_{st}/D_1 + \text{ung})$ - где основа глагола имеет в своей структуре суффикс (*Huldigung, Periodisierung*)
5. $(P_1 A_{st}/S_{st}, D_1 + \text{ung})$ - где основа представляет собою конструкцию - префикс + корневая морфема + суффикс (*Verwirklichung*)
6. $Adv. V_{st} - \text{ung}$ - где основа состоит из наречия + основа глагола (*Fortschaffung, Heraus-schraubung*)

Х. Мейер [2] приводит в своем исследовании "Deutsche Sprachstatistik" II67 образований с суффиксом *-ung*, кото-

рые в среднем зафиксированы по десять раз. Поскольку окказионализмы на -ung типа - Schickung von Telegramm,

Н. Kant из этого числа исключены, то фактическое число таких образований должно быть гораздо большим. В. Флейшер [I, с. 168] отмечает интересное явление, что, например, основы глаголов с префиксом ex- отмечены в словаре в количестве 235 единиц, но в образованиях с ung не участвуют 100 из них -

erkranken - Erkrankung, *Erachtung (erachten).

Следовательно, эти 100 единиц являются источником, резервом потенциальных новообразований.

Способность аффиксов соединяться с основами в рамках одной лексической единицы рассматриваем как их внутреннюю валентность. В противоположность основам, которые имеют потенции функционировать в качестве самостоятельных единиц - wald - waldreich, der Wald; kirschrot - rot -, аффиксы не могут выступать самостоятельно. Поэтому аффиксы обладают только внутренней валентностью, т.е. валентностью на морфематическом уровне, или морфологической валентностью. Морфологическая внутренняя валентность деривационных морфем исчисляется количеством потенций их присоединения к основам.

Таким образом показатель морфологической валентности деривационной морфемы -ung = 3, или V_3^{ung} , где 3 = показатель набора валентностей, а число в скобках является показателем вариантов. Для сравнения ниже приводим таблицу морфологической валентности основных суффиксов существительного современного немецкого языка.

Морфологическая валентность суффиксов
существительного

Суффикс	Основы							
	deverb.	Adj.	Subst.	W-Gruppe	Numer	Part II	V	
-e	+	+	+	-	-	-	V ₃	
-schaft	+	+	+	-	-	-	V ₃	
-ei	+	-	+	+	-	-	V ₃	
-ung	+	-	+	+	-	-	V ₃	
-el	+	-	+	-	-	-	V ₂	
-er	+	+	+	+	+	-	V ₅	
-heit	-	+	+	+	+	+	V ₅	
-keit	-	+	-	-	-	-	V ₁	
-ling	+	+	+	-	+	-	V ₄	
-nis	+	+	+	-	-	-	V ₃	
-tum	+	+	+	-	-	-	V ₃	
-sal	+	+	+	-	-	-	V ₃	
-sel	+	-	-	-	-	-	V ₁	

Морфологическая валентность деривационных морфем прилагательного почти не отличается от таковой существительного (см. таблицу). Наиболее высокий показатель валентности у суффикса *-lich*. Согласно данным словаря Э. Матера [3], в современном немецком языке зарегистрировано 1284 словарных единицы с деривационной морфемой *-lich*, которые распределяются следующим образом:

1. $S_{st} + -lich$ = 731 единица (*südtlich, sommerlich, weiblich*)
2. $V_{st} + -lich$ = 432 единицы (*vergänglich, erträglich, weinerlich*)
3. $A_{st} + -lich$ = 91 единица (*rundlich, grünlich*)
4. $Adv_{st} + -lich$ = типа (*innerlich, zu erlich*)
5. $K_{st} + -lich$ = типа (*erstlich*)

6. Pr_{st} + -lich = типа (eigen-t-lich)

7. Entlehnungen = типа (plästerlich)

и слова с затемненной этимологией основы, т.е. реликтовой,

8. scheulich - mhd schiuzlich - Abscheu empfinden, Weiterbildung zu schiuen = mhd scheuen - составляют в общей сложности только 30 единиц.

Суффикс -lich, чрезвычайно продуктивный среди традиционных слов, среди окказионализмов встречается относительно редко - türlich (Th. Mann), sattbäuerlich (Strittmatter), mädchenheimlicher Mondrausch (Borchert).

Редкими среди окказионализмов являются и образования с суффиксом -en - jazzmusiken, marschmusiken (Borchert). Все данные окказионализмы образованы по окказиональной модели - основа существительного, не обозначающее вещество (в противоположность традиционным соединениям!) + суффикс -en.

Суффикс -sam в окказиональном словообразовании встречается редко, например, у Т. Манна - widersam, а суффиксы -haft, -er, -bar среди окказиональных прилагательных не удалось обнаружить.

Исходя из возможностей сцепления суффиксов прилагательных с основами, можно определить морфологическую валентность последних, что и отражено в приводимой таблице. В показатель валентности не введены соединения суффикса с идиоматизированными, стоящими обособленно или заимствованными основами, как, например, в словах - drollig, hurtig, где основы характеризуются как реликтовые единицы, или в словах ranikhaft, genrehaft, где основы представляют собой заимствованные единицы. Но наличие таких соединений указано в скобках.

Как показывает приведенная таблица, особой продуктивностью отличается также суффикс -ig. Окказиональные образования по модели "основа сямплекса + -ig" чрезвычайно редки - heirmig (Th. Mann). Зато среди образования слож-

Морфологическая валентность суффиксов
прилагательного

Суффикс	Основы								
	verb	subst	adj	adv	numer	pron	relikte	fremde	V
-bar	+	+	+	-	-	-	+	-	V ₃₍₁₎
-en	-	+	-	-	-	-	-	-	V ₁
-haft	+	+	+	-	-	-	+	+	V ₃₍₁₎
-ig	+	+	+	+	+	+	+	-	V ₆₍₁₎
-isch	+	+	-	-	-	+	+	+	V ₃₍₂₎
-lich	+	+	+	+	+	-	+	-	V ₅₍₂₎
-sam	+	+	+	-	-	-	-	-	V ₃
-er	-	+	-	-	-	-	-	-	V ₂

непроизводных слов окказионального характера образования с суффиксом *-ig* количественно не имеют себе равных (*stockfleckig* - *Koerpen*, *falschgriffig* - *Werfel* и др.) [4, с. 120-121].

Основываясь на полученных данных, определяем, что продуктивность аффиксов при образовании традиционных или окказиональных производных слов различна. Самым продуктивным оказывается суффикс *-ig*.

Анализ и систематизация большого количества отрезков текста, в которых встречаются узуальные и окказиональные производные слова, показали, что последним присуща известная семантическая двуплановость: во-первых, они информируют о дополнительных скрытых возможностях (сочетательных потенциях) деривационных морфем, во-вторых, сообщают о взаимообусловленности текста и его составляющих при отборе соответствующей лексики самого высказывания, если это узуальные единицы языка, или же при создании темпорально или локально обусловленных окказиональных единиц.

Литература

1. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. - Leipzig: VED, 1974. - 361 S.
2. Meier H. Deutsche Sprachstatistik. Bd. 1-2. - Hildesheim, 1964. - 200 S.
3. Mater E. Rückläufiges Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. - Leipzig, 1965. - 695 S.
4. Schippan Th. Einführung in die Semasiologie. - Leipzig, 1972. - 246 S.

С.Г.Краже

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЕМА ПОВТОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ

Проблема функционально-коммуникативной организации высказывания привлекает к себе внимание очень многих исследователей, число работ по этому вопросу непрерывно растет [1], но все же некоторые аспекты остаются неосвоенными.

Предлагаемая вниманию читателей статья имеет целью показать функционально-коммуникативную характеристику повтора как стилистического приема. В этой связи рассматривается роль стилистических приемов в функциональной перспективе предложения (ФПП). На связь ФПП со стилистикой указывают такие лингвисты, как И.В.Арнольд, Н.К.Долинин, Б.А.Ильин [2]. Основная роль стилистического приема в ФПП заключается в том, что он служит важным средством определения ремы высказывания.

На обсуждение в данной статье вносятся следующие теоретические положения:

1. стилистический прием обладает определенным коммуникативным потенциалом, т.е. он может быть лингвистическим средством выражения рематических сегментов высказывания;
2. каждый тип повтора имеет свою коммуникативную характеристику, иначе говоря, различные виды повтора обладают различными функциями в коммуникативном плане;

3. чаще всего функцию повтора можно более точно определить не в рамках одного предложения, а исходя из макротекста, т.е. целого речевого произведения, или под влиянием стилистического контекста, которое представляет собой "фон, на котором преимущественно по контрасту, но иногда и по сходству возникает экспрессивность стилистического приема" [3, с. 279].

В данной статье сделана попытка установить коммуникативный потенциал стилистического приема повтора. Нами проанализированы такие виды повтора, как кольцевой повтор: эпифора, анафора, анадиплозис. Под повтором мы понимаем вслед за И.Р.Гальпериным "повторные слова, словосочетания или предложения в составе одного высказывания (предложения, сложного синтаксического целого, абзаца) и в более крупных единицах коммуникации, охватывающих ряд высказываний" [4, с. 258].

До сих пор роль стилистических приемов в ФПП остается почти неисследованной. Большинство лингвистов подчеркивают прежде всего эмоционально-экспрессивную роль стилистического приема, а не смысловую [5, с. 243]. А.Т.Генмушас, анализируя в своей диссертационной работе основные свойства и функции повтора, подчеркивает эмоционально-экспрессивную его роль, определяя повтор как средство эмоционального выделения высказывания [6]. Нам же представляется, что повтор своей целью чаще всего имеет логическое выделение.

Теснейшим образом проблема функционально-коммуникативной характеристики высказывания связана с изучением коммуникативной структуры текста. Это обуславливается стремлением объяснить "язык как цельное средство коммуникации" и "признаки коммуникативной сущности текста связаны с исследованиями информативной, следовательно, смысловой стороны языка" [7, с. 27].

Опираясь на идею М.А.И.Хэллидея о том, что функциональная перспектива предложения (ФПП) является языковым ком-

понентом, "создающим текст" [8, с. 139], представляется, что с помощью ФПП, первоначально рассматриваемой в рамках одного предложения, а теперь в рамках целого текста, можно выделить смысловые единицы текста, способствующие наиболее полному и адекватному пониманию прочитанного. Такими смысловыми единицами текста могут быть тематические и рематические сегменты высказывания. Под высказыванием вслед за Г.Г.Почепцовым понимается более крупная единица, чем предложение, "включающая в себя предложение и в дополнение к нему содержащая прогнозируемые характеристики общения (функционирования данного предложения)" [9, с. 54]. В определении ремы и темы следует учитывать концепцию Я.Фирбаса, согласно которой языковые элементы, осуществляющие коммуникацию, являются неравноценными с точки зрения содержащейся в них информации. Я. Фирбас определяет ФПП как "дистрибуцию степеней коммуникативного динамизма (КД) в элементах предложения". Степень КД определяется тем, насколько несущий ее элемент способствует развертыванию сообщаемой информации. Под ремой понимается "элемент с наибольшей степенью КД, под темой - элемент с наименьшей степенью КД" [10, с. 272]. Следует отметить, что рематические элементы могут отличаться друг от друга по степени КД, один из которых является главным, т.е. собственно ремой, а другие элементы дополняют рему. Собственно рема всегда имеет максимальную степень КД и несет основную коммуникативную нагрузку высказывания (графически собственно рема подчеркнута одной чертой). Степень КД, в свою очередь, определяется различными лингвистическими средствами, среди которых мы находим грамматические (наличие неопределенного артикля, наличие отрицаний), лексические усилительные частицы *even*, *only* и другие. Помимо традиционных перечисленных выше средств следует рассмотреть роль стилистических приемов в ФПП.

В качестве исследуемого материала выбраны военные рассказы Р.Олдингтона [11]. Большой эмоциональностью и выразительностью его рассказов обусловили выбор этого материала

для анализа. Р.Олдингтон воспринимает мир "метафорически", стиль автора отличается большой красочностью изложения, обилием ярких эпитетов, сравнений, а также использованием таких стилистических приемов, как нарастание, антитеза, различные виды повтора, которые помогают автору раскрыть лейтмотив произведения.

Рассмотрим функциональный потенциал кольцевого повтора. Пример заимствован из рассказа Farewell to Memories. В рассказе рассказывается горечь и отчаяние автора, вызванные гибелью сотен тысяч жизней: Escape, let the soul escape from this insanity, this insult to God, from this ruined landscape, these murdered fields, this bitterness, this agony, from this harsh death and disastrous mutilation, from this filth and labour, this stench of dead bodies and unwashed living bodies - escape, let the soul escape [11, с. 29]. Рассмотрим распределение КД, и попытаемся установить средства, которые повышают степень КД отрезков высказывания. Как кажется на первый взгляд, сегмент, представленный стилистическим приемом перечисления: from this insanity, this insult to God, from this ruined landscape, these murdered fields, this bitterness, this agony, from this harsh death and disastrous mutilation, from this filth and labour, this stench of dead bodies and unwashed living bodies является речитативским, т.к. усилительное указательное местоимение нередко маркирует речитативский сегмент высказывания, включение эпитетов this ruined landscape, these murdered fields, this harsh death and disastrous mutilation усиливает степень КД этого сегмента. Однако, учитывая художественный замысел всего рассказа, можно предположить, что собственно ремой является сегмент, выраженный кольцевым повтором escape, let the soul escape. На это ориентирует нас сам заголовок рассказа "Прощайте, воспоминания". Рассказ этот - "горестное излияние души, потрясенной войной и проклинающей ее" [12, с. 34]. Кольцевой повтор передает страстное и тщетное стремление автора забыть боль человеческих утрат.

Кроме того, исходя из макротекста, мы должны признать, что сегмент, переданный стилистическим приемом перечисления, является скорее "старой" информацией, т.к. он соотносится с теми "событиями", о которых автор говорит ранее. Для сравнения приведем ряд синонимических повторов *filth, degradation* [II, с. 22], *dead bodies* [II, с. 29], которые встречаются в тексте до этого высказывания.

Итак, учитывая все вышесказанное, мы можем определить коммуникативную функцию кольцевого повтора как функцию логического интенсификатора, или усилительную функцию.

Теперь проанализируем функциональный потенциал эпифоры. В высказывании: *Number 2 section lived together, marched together, ate together, worked together, fought together...* [II, с. 27] трудно судить о ремо-тематическом членении. При беглом анализе цепь однородных сказуемых *lived, marched, ate, worked, fought* может показаться наиболее коммуникативно значимым сегментом высказывания. Однако, анализируя макроконтекст, мы, по-видимому, должны прийти к другому выводу. Дело в том, что в последующем отрывке автор дает индивидуальную характеристику каждому персонажу: *Holme expended vast energy in petty wangling - to get a candle, an extra drink of rum, a tin of jam... If he could obtain some infinitesimal privilege to which he was not entitled, he was happy. Brandon suffered. Who can estimate suffering?... But where Perks swore or joked, where Huxtable and Holms pettily wangled, Brandon suffered* [11, с. 27]. Каждый солдат индивидуален в своем отношении к жизни и войне, но их объединяет то общее, что передано словами *together*, поэтому эпифора, выраженная *together*, на наш взгляд, является ремой первого отрывка, рассмотренного выше.

Рассмотрим фрагмент, где рематический сегмент передает душевное состояние персонажа Брендона: *As the days and weeks passed Brandon felt as if he were forever sliding down a gray and slope of grief and despair and misery. The crash of shells, tearing whine of bullets seemed to*

beat into him misery and despair and grief [11, с. 28]. Повторившиеся единицы образуют стилистический прием нарастания. Элементы расположены по нарастающей важности. Полисиндетон, взаимодействуя с повтором, увеличивает степень КД этого сегмента. Однако ведущую роль играет эпифора *grief and despair and misery* с хазматическим построением во втором сегменте *misery and despair and grief*, где степень КД повторяющихся единиц усиливается благодаря эпифоре, последний в данном случае имеет усиленную функцию.

Перейдем к рассмотрению анафорических повторов, которые могут выполнять как усиительную функцию, так и фоновую функцию в зависимости от их коммуникативного назначения. Проанализируем темо-рематическое построение высказывания, взятого из рассказа *Meditation on a German Grave: What can pay for this desolation, this murder? Pay. What can pay for lives, for the wreck of us who survive?* [11, с. 83]. На первый взгляд, трудно определить собственно ремю в силу того обстоятельства, что происходит конкуренция между усиительным местоимением *this*, нередко маркирующим ремю, и анафорой *what can pay*. В данном случае *this* вводит первую часть антитезы *this desolation, this murder-lives, the wreck of us who survive*, и сама антитеза несет на себе большую коммуникативную нагрузку. Но, принимая во внимание макротекст, в частности, синонимические ряды типа *wrackage, waste, ruin* [11, с. 83], а также *the desolation of that landscape* [11, с. 82] следует признать, что анафора имеет не фоновую, а усиительную функцию, и сам анафорический сегмент является ремой в собственном смысле слова, ибо он подчеркивает общетрицательный характер всего высказывания — никто на свете не может возместить то, что разрушает война.

Иногда можно и в рамках одного высказывания обнаружить темо-рематическое членение, не прибегая к макротексту. Рассмотрим следующий пример, который взят из рассказа *Farewell to Memories: The weather grew colder and colder.*

They went up the line - same broken carriages, same dreary crawl, same old speculations as to where they were going [11, с. 25]. Анафора выражает собственно тему same, которая передает ощущение монотонности и однообразия жизни солдат. В данном высказывании анафора имеет усиленную функцию.

Кроме усиленной функции, анафора может иметь противоположную функцию - фоновую. В высказывании Lining up for the troughs under the rain to wash and shave in cold water. Lining up outside the mess huts for breakfast - mug of tea, slice of fat pork, small hunk of bread and margarine, two large dog biscuits. Bully more biscuits and a small lump of cheese for day's rations [11, с. 24] анафорический повтор lining up в соответствии с синтаксическим параллелизмом выражает тематический сегмент высказывания. Анафора служит фоном, на котором выделится тема to wash and shave in cold water, mug of tea, slice of fat pork, small hunk of bread and margarine, two large dog biscuits and a small lump of cheese. Тема здесь характеризует суровые будни фронтовой жизни.

В другом высказывании: They went into another and livelier section of the line, where they had rather a baddish time. They were thrown into a local attack, and the battalion lost about two hundred officers and men. They had to struggle along interminable trenches deep in mud before they reached their jumping-off place [11, с. 28]. анафора имеет тоже фоновую функцию; (местоимение, как правило, выражает тематический элемент высказывания), фоновая функция анафоры помогает оттенить элементы с наибольшей степенью нд; последние, представленные обстоятельствами места, дополнениями (прямыми и предложными) рисуют тяжелую фронтовую жизнь солдат: another and livelier section of the line, a baddish time, a local attack, and the battalion, two hundred officers and men, interminable trenches deep in mud. Рассмотрим еще одно высказывание, где анафора beautiful incot

фоновую функцию. Beautiful silence, beautiful sky just pricked out with dim stars, beautiful peace [11, с. 83], учитывая влияние микротекста и то, что слова *silence, peace* являются ключевыми в рассказе *Meditation on a German Grave*, можно предположить, что анафора здесь имеет фоновую функцию, где речитативные компоненты *silence, sky just pricked out with dim stars, peace* имеют максимальную степень КД и характеризуют то, что у Камберленда было самым дорогим, т.е. тишина, мир и ясное небо. Речитативный сегмент следующего высказывания также подчеркивает вышесказанное. Так, в высказывании: He lived his present peace, but lived again also old forgotten memories [11, с. 79] коммуникативная цель высказывания содержится в речитативном сегменте, который выражен антитезой, представленной контекстуальными антонимами: *present peace - old forgotten memories*. Антитеза усиливает степень КД этого сегмента, а анафора *lived* в своей фоновой функции вводит тему.

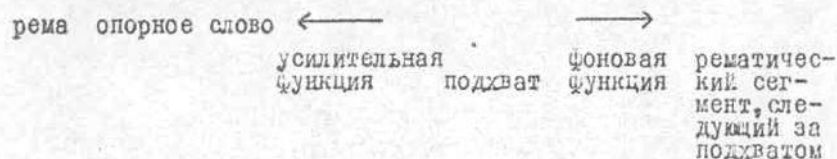
Рассмотрим последний вид повтора - анадиплозис, который отличается своеобразным коммуникативным потенциалом. В ходе анализа функции анадиплозиса подтверждается высказанная М.М.Лотманом мысль о том, что "одинаковые (то есть повторяющиеся) элементы функционально не одинаковы, если занимают различные в структурном отношении позиции" [13, с. 164]. Так, в высказывании: The bodies had already been carried away and buried. Buried everywhere [11, с. 83], который взят из рассказа *Meditation on a German Grave*, подхват, с одной стороны, усиливает речитативное звучание сегмента *carried away and buried*, а с другой стороны, - увеличивает степень КД сегмента *everywhere*, где обстоятельство места является собственно ремой. Тема передает потрясение автора трагическими последствиями войны.

В рассказе несколько отрывков текста посвящены воспоминаниям капитана Камберленда о его пуч шестивий. But above all, the memory was warmth and peace, the peace of untroubled life in a calm unfretted world [11, с. 76]. В

приведенном выше высказывании, с одной стороны, подхват *peace* рематизирует предшествующее "опорное слово" *peace*, с другой стороны, вводит новый сегмент высказывания, где собственно рема представлена уже не словом *peace*, а определением к нему *of untroubled life in a calm unfretted world* (степень КД этого сегмента увеличивается из-за наличия отрицательных префиксов *untroubled, unfretted*).

Рематическое определение еще раз подчеркивает стремление Камберленда к мирной жизни, рема соотносится с предыдущими рематическими сегментами *silence, sky, just pricked out with dim stars, peace* [11, с. 83].

Таким образом, функционально-коммуникативный потенциал анадишозиса таков, что он усиливает степень КД опорного слова при одновременном наличии фоновой функции, благодаря которой вводится рема, следующая за подхватом. Итак, подхват сам по себе ремой не является, а выполняет две функции одновременно, что можно было бы графически представить следующим образом:

Опираясь на данные, полученные в результате анализа, можно предположить, что стилистический прием может не только эмоционально, но и логически выделить определенный сегмент текста.

Можно выделить функционально-коммуникативную функцию стилистического приема — функцию логического интенсификатора, или усилительную функцию. Функция логического интенсификатора выделяет стилистический прием как лингвистическое средство выражения рематических сегментов высказывания. Данное лингвистическое средство — повтор — имеет две коммуникативные функции: усилительную и фоновую. Впервые эти две функции были рассмотрены в работе И.Н. Гальперина [4, с. 188], но без учета функциональной перспективы пред-

ложения, то есть коммуникативная направленность там не анализируется.

Каждый вид повтора имеет свою функционально-коммуникативную характеристику. Кольцевой повтор и элифра чаще всего имеют усилительную функцию, где повторяющиеся единицы входят в состав ремы. Анафора может иметь две противоположные функции: усилительную и фоновую, при реализации фоновой функции повторяющиеся элементы образуют тему, на фоне которой выделяется рематический сегмент. Как логический интенсификатор повтор способен или выразить рему, или повысить степень коммуникативного динамизма рематического сегмента с целью выделить собственно рему. Анафиллосис имеет своеобразный лингвистический статус. Он совмещает две функции: усилительную и фоновую.

В заключение отметим, что в рамках данной небольшой статьи представлены далеко не все виды повтора. Представляется целесообразным в дальнейшем показать коммуникативный потенциал таких видов повтора, как дистантный, контактный, корисевой повторы и другие.

Литература

1. Стулина Н.Ю. Опыт анализе коммуникативной организации смыслового содержания экзистенциальных и интродуктивных высказываний. - В кн.: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии, 1980, вып. 4. Взаимодействие языковых структур в системе, с. 109 - 119.
2. Шмидт И.К. К вопросу об актуальном членении текста. - В кн.: Семантико-стилистические исследования текста и предложения: Сб. науч. тр. Ленингр. пед. ин-та им. А.И. Герцена, 1980, с. 119-125.
3. Плуиш В. The Structure of Modern English. - Л.: Просвещение, 1971. - 332 с.
4. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. - Л.: Просвещение, 1981. - 295 с.

4. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. - М.: Изд-во лит-ры на иностр.яз., 1978. -458с.
5. Долинин К.А. Стилистика Французского языка.-Л.: Просвещение, 1978.-342 с.
6. Geshiyeva A. Features and Functions of Repetition. -Рига.: ЛГУ им. П.Стучки, 1972.-135 р.
7. Колшанский Г.В. Текст как единица коммуникации.-В кн.: Проблемы общего и германского языкознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978, с. 26 - 37.
8. Халлидей М.А.К. Место функциональной перспективы предложения в системе лингвистического описания. - В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, М.: Прогресс, 1978, вып. 8, с. 138-146.
9. Почепцов Г.Г. Высказывание и трансформация его свойств в перечневых формах общения.-В кн.: Структурная и математическая лингвистика. Киев : Вища школа, 1976, № 4, с. 54 - 58.
10. Firbas G. On Defining the theme in functional sentence analysis.-Travaux linguistiques de Prague.-Prague, 1964. I, p. 267-280.
11. Aldington R. Short Stories. - Moscow.: Progress Publishers, 1967-248 p.
12. Урнов М.Н. Ричард Олдингтон.-М.: Высшая школа, 1968.-78 с.
13. Лотман Ю.М. Структура художественного текста.-М.: Искусство, 1970.-383 с.

Е.Р.Лиела

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДЕЛОВ ВАРИАТИВНОСТИ ПОРЯДКА СЛОВ В СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ

Данная статья является попыткой провести сопоставительный анализ пределов вариативности порядка слов в стихотворных текстах на английском, латышском и русском языках. Известно, что случаи отклонения от нормы в поэтической речи многообразны и индивидуальны. Практически неограниченно количество вариантов предложений, каждое из которых представляет собой уникальный объект, на первый взгляд наводит на мысль, что построение стихотворного текста невозможно обобщить и организовать в сколько-нибудь строгую систему. Однако мы попытаемся вскрыть некоторые закономерности порядка слов в стихотворной речи, а также найти пределы их вариативности.

Если вариативность — это, по нашему определению, совокупность вариантов возможной дислокации субъекта и его детерминант, [1, с.7] то их максимальное количество должно сводиться к какому-то вполне конкретному числу. Предел вариативности можно установить как математический предел, т.е. как математически максимальное количество различных вариантов при конкретном числе варьируемых элементов. Известно, что наличие двух элементов дает максимально 2 варианта, т.е. элементы а и в могут варьировать только как ав и ва; три элемента дают 6 возможных вариантов — авс, асв, вас, вса, сав, сва; четыре элемента — 24 варианта, а пять элементов — 120 вариантов. Эти 2, 6, 24 и 120 вариантов являются конечным математическим пределом для двух, трех, четырех и пяти варьируемых элементов.

Термин "предел вариативности порядка слов" нами понимается как:

1) статистически возможный предел вариативности, т.е. полное совпадение математически возможного и реально обнаруженного количества вариантов. Этот предел мы называем конечным;

2) языковой (узуальный) предел вариативности, т.е. реально обнаруженное количество вариантов, обусловленное особенностями описываемых языков.

Само собой разумеется, что конечный предел вариативности шире языкового предела, т.е. конечный предел предполагает наличие всех математически возможных вариантов размещения субъекта и его детерминант. Для того чтобы выявить эти пределы, мы проанализировали значительный корпус предложений (II моделей предложения) поэтических текстов на трех языках. Приводим все сравниваемые II моделей в их сокращенной форме.

- I С-Д-активности
 - II С-Д-признака
 - III С-Д-активности - Д-пространства
 - IV Д-времени - С-Д-активности
 - У 1. С-Д-активности - Д-объекта
 - 2. С-Д-активности - Д-объекта - Д-объекта
 - VI С-Д-активности - Д-признака
 - VII С-Д-активности - Д-объекта - Д-пространства
 - VIII Д-времени - С-Д-активности - Д-объекта
 - IX С-Д-активности - Д-объекта - Д-признака
 - X Д-времени - С-Д-активности - Д-пространства
 - XI Д-времени - С-Д-активности - Д-объекта - Д-пространства
- [2, с.89-91]

Из английских, американских, латышских и русских поэтических произведений выписывались подряд предложения (только самостоятельные), которые соответствовали какой-либо из II анализируемых моделей, а затем классифицировались по отдельным моделям, т.е. на каждую модель по 50 предложений английской поэтической речи, 50 - латышской, 50 - русской. Таким образом, для каждой модели имеются 150 предложений; всего - 600 предложений для каждого языка. Весь отобранный нами материал составляет 1800 предложений поэтической речи на трех языках.

Мотивы отбора определенного стихотворного материала заключались в следующем.

1) Все анализируемые стихотворные произведения написаны на родном языке английскими, американскими, латышскими и русскими поэтами одного исторического периода, т.е. начиная с 20-30 годов XX века и кончая современными поэтами. Так, использованы стихи У.Б.Эйтса, Дж.Мейзфильда, Р.Брука, К.Эмиса, Э.А.Робинсона, Р.Фроста, В.Линдзи, Т.С.Элиота, Н.Земельниака, М.Кемпе, О.Вацетиса, И.Эндониса, С.Городецкого, Б.Слущкого, Евг.Евтушенко, Н.Матвеевой и многих других поэтов.

2) Все анализируемые нами произведения относятся к жанру стихотворной речи. Стихотворная речь — это речь ритмическая (ритм понимается как определенная звуковая организация речи). Как общие правила, мы принимаем, что, во-первых, стихотворная речь дробится на сопоставимые между собой единицы — стихи (от греч. *stichos* — ряд, порядок, строй), которые обычно (но не всегда) печатаются отдельными строками. Во-вторых, каждый стих обладает "...той или иной последовательно проводимой симметричностью звучания", [3, с.293] подчинен особому звуковому закону, улавливаемому на слух. Этот закон называют размером стиха.

3) Большая часть использованных для анализа стихов относится к силлабо-тонической системе стихосложения, в основе которой — выравниенность числа слогов, количество и место распределения ударений в стихотворных строках.

Так, в русской и латышской поэзии существуют пять основных размеров стихосложения: хорей ($\underline{\text{v}} \text{v}$), ямба ($\text{v} \underline{\text{v}}$), дактиль ($\underline{\text{v}} \text{v} \text{v}$), амфибрахий ($\text{v} \underline{\text{v}} \text{v}$) и анапест ($\text{v} \text{v} \underline{\text{v}}$). Примером силлабо-тонического стиха могут служить следующие написанные ямбом стихи Евг.Евтушенко:

Недолг век деревьев каучуковых,
Мно жалко всея жалостью своей
их, губель неминуемую чующих,
как обреченных сызмала детей. [4, с.46]

Примером хорей в латышской поэзии могут служить следующие строки М.Кемпе:

значительнее количественное различие между конечным и языковым пределами вариативности. Так, конечный предел вариативности совпадает с языковым в предложениях, состоящих из 2 варьируемых элементов во всех трех языках, а также в предложениях, состоящих из 3 варьируемых элементов в латышском и русском языках.

По отдельным моделям количество вариантов конечного и языкового пределов с указанием числа варьируемых элементов в предложении можно изобразить следующим образом (в рамке дается число вариантов языкового предела, совпадающего с конечным):

Номер модели	Количество варьируемых элементов	Количество вариантов конечного предела	Количество вариантов языкового предела		
			A	L	P
I	2	2	2	2	2
II	2	2	2	2	2
III	3	6	5	6	6
IV	3	6	4	6	6
У I.	3	6	4	6	6
2.	4	24	2	10	10
VI	3	6	5	6	6
VII	4	24	8	20	17
VIII	4	24	7	14	18
IX	4	24	6	16	18
X	4	24	11	18	19
XI	5	120	11	31	28
Всего		268	67	137	138

Из таблицы видно, что конечный предел вариативности совпадает с языковым в предложениях, состоящих из 2 варьируемых элементов во всех трех языках (модели I, II), а также в предложениях, состоящих из 3 варьируемых элементов в латышском и русском языках (модели III, IV, У (I.), VI). В английском языке количество вариантов языкового предела этих же моделей меньше конечного на 0 вариантов, т.е. отсутствуют 5 вариантов (из 8), начинающихся с Д-активности. Хотя и те 3 варианта, которые имеются, представлены неболь-

шим числом предложений: модель III - 2 предложения, модель У(1.) - 1 предложение, модель VI - 1 предложение, что свидетельствует о том, что для английской поэтической речи возможна постановка Д-активности в начальную позицию предложения, но встречается это довольно редко (в 4 предложениях из 200). Число вариантов конечного и языкового пределов не совпадает ни в одной модели, состоящей из 4 и 5 варьируемых элементов (модели У(2.), VII, VIII, IX, X, XI) ни в одном из трех языков. По отдельным группам вариантов самую большую наполненность имеет группа субъекта, т.е. группа с субъектом на первом месте в предложении имеет часто все 6 вариантов. Если даже группа субъекта не имеет все 6, а только 4-5 вариантов, к этим вариантам относится большая часть предложений данной модели: так, в модели VII - к группе субъекта относятся 36 предложений из 50; в модели IX - 31 предложение из 50. В данной статье изложен один из возможных выводов, полученных нами после анализа пределов вариативности порядка слов стихотворной речи трех описываемых языков. Дальнейшая разработка изучаемой проблемы будет представлена в последующих статьях.

Литература

1. Лиєпа Е.Р. Семантическая обусловленность порядка слов и пределы его вариативности в стиховой речи: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - М., 1978. - 22 с.
2. Лиєпа Е.Р. Семантическая обусловленность порядка слов в стиховой речи. - В кн.: Синтагматическая обусловленность лексической семантики. - Рига, 1980. - с.87-95.
3. Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение. - Л.: Учпедгиз, 1959. - 535 с.
4. Евтушенко Е. Взмах руки. - М.: Молодая гвардия, 1962. - 351 с.
5. Ķempe M. Mirkļu mājība. - Rīga: LVI, 1964. - 296 lpp.

6. Untermeyer L. Poetic Forms and Patterns. - in: The Albatross Book of Living Verse. Hamburg, Paris, Bologna; 1933. - 656 p.
7. Жирмунский В.М. О национальных формах ямбического стиха. - В кн.: Теория стиха. Л.: Наука, 1968.- 357 с.
8. Amis K. An Anthology of English and American Verse. - Moscow: Progress Publishers, 1972. - 289 p.

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ВКЛИНИВАНИЯ И РАЗРЫВА КАК
САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОМ ПРИ
ОККАЗИОНАЛЬНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ В РЕЧИ

Языковая структура фразеологических единиц (ФЕ)¹ изменяется в процессе их функционирования при целом ряде приемов окказионального преобразования. Мы рассмотрим два случая наличия одного или нескольких переменных элементов внутри фразеологической единицы в речи (по сравнению с ее исходной формой) для проведения четкой границы между стилистическими приемами "вклинивание"² и "разрыв"³.

Вклинивание⁴ понимается нами как структурно-семантический прием окказионального использования фразеологических единиц в речи, при котором вставляемый элемент (или элементы) становится частью ФЕ в данном речевом акте, ее окказиональным компонентом, изменяя структуру ФЕ и расширяя ее компонентный состав. Вклиниваемый элемент вносит дополнительный смысл в семантику ФЕ и во многих случаях объединяется с ФЕ единой образностью. Значение вклиниваемого окказионального компонента непосредственно включает-

¹ В понимании ФЕ мы придерживаемся фразеологической теории А.В.Кунина [1, с.210].

² Термин введен А.В.Куниным [2, с.630].

³ Термин наш. - А.Н.

⁴ У многих исследователей мы находим широкое понимание вклинивания, которое включает также разрыв ФЕ. Такой подход особенно характерен для начала развития фразеологической стилистики, т.е. для 60-х и начала 70-х годов, когда исследователи подчеркивали саму возможность нарушения языковой непрерывности ФЕ в речи.

ся в семантическую структуру ФЕ, расширяя ее объем и стилистическую значимость. Напр.:

as well be hung for a sheep as for a lamb

And then, deciding I might as well be hung for a suspicious sheep as for a suspicious lamb, I wrote two more letters, one to the Tavistock Rep., and another to Girton, at Cambridge.

(J.Fowles. The Magus)

Вклиниваемый переменный элемент *suspicious* вносит дополнительный штрих в образ самой ФЕ, которая остается структурно непрерывной в потоке речи благодаря семантической слитности ФЕ и вклиниваемого слова.

Помимо вклинивания, мы выделяем разрыв ФЕ как самостоятельный элементарный прием окказионального использования ее в речи. Под разрывом ФЕ мы понимаем речевое разъединение ее переменным словом, сочетанием слов или графическими средствами с целью создания нового стилистического эффекта при неизменном компонентном составе. Правомочность выделения приема разрыва ФЕ основывается на том, что разъединение создает дополнительную стилистическую информацию, хотя разъединяющие ее переменные элементы не становятся структурной и семантической частью ФЕ в данном речевом акте. Характер создаваемого ими стилистического эффекта зависит от потребностей контекста. Напр.:

(as) cold as frost¹

But al so² cold in love, towards thee,
Thy lady is, as frost in winter mone,
And thou fordoon, as snow in fyr is sone.

(G.Chaucer. Troilus and Criseyde)

Разрыв структуры ФЕ порождает эффект неожиданности. Факт смыслового разрыва ощущается как своеобразный стилистический прием, ведущий к выделению ФЕ в тексте. В по-

¹ ФЕ (as) cold as frost устарела в современном английском языке.

² В среднеанглийский период в роли первого союза адъективной компаративной ФЕ мог выступать и союз so.

этическом тексте разрыв создает структурно-ритмическую паузу.

Разграничение вклинивания и разрыва ФЕ как стилистических приемов представляет значительный интерес с позиций теории фразеологической стилистики. Вместе с тем оно связано с определенными трудностями, так как эти приемы во многих случаях внешне сходны. В то время как вклинивание логически может относиться к определенному компоненту ФЕ, ко всей ФЕ, либо к элементу, не входящему в состав ФЕ, синтаксически оно относится только к определяемому компоненту ФЕ, не обнаруживая непосредственной синтаксической связи с другими членами предложения. При разрыве ФЕ слова, разъединяющие ее компоненты, как правило, в синтаксическую связь с ними не вступают. Она сохраняется между компонентами ФЕ, хотя структура ее претерпевает разрыв. Слова, разделяющие компоненты ФЕ, могут устанавливать синтаксические отношения с другими членами предложения или оставаться синтаксически самостоятельными в зависимости от типа разрыва.

С нашей точки зрения, определяющим является семантический критерий разграничения: при вклинивании вставляемый переменный компонент усиливает или уточняет значение ФЕ [3] и функционально составляет с ней речевое семантическое единство. В результате ФЕ сохраняет целостную структуру. При разрыве разъединяющие элементы не включаются в структуру ФЕ и не вписываются в образ, положенный в ее основу. Сама ФЕ оказывается разделенной на две части. Выделение ФЕ посредством разрыва усиливает ее экспрессивное и эмоциональное воздействие и повышает выразительность высказывания. Синтаксическое и семантическое разъединение ФЕ подчеркивается паузой при произнесении и изменением интонационного рисунка. 1 апр.:

(as) white as driven snow

... which are given

For rich men and their brides to lay their heads

Upon, in sheets white as what bards call "driven snow."

(G. Byron. Don Juan)

Изменения в интонации сопровождают разрыв ФЕ и служат для выражения экспрессивных и экспрессивно-эмоциональных коннотаций.¹ В этом проявляется еще одно отличие разрыва ФЕ от вклинивания, которое интонационно не выделяется. В стихотворном тексте разрыв ФЕ нередко связан с ритмическими соображениями, что выявляет просодическую природу стилистической функции приема.

Разрыв ФЕ часто передается графическими средствами, которые отражают разъединение структуры ФЕ и усиливают его эмфатичность. Вклинивание же графически не выделяется, так как оно становится частью структурной и смысловой организации ФЕ. Проиллюстрируем употребление графических стилистических средств с целью создания разрыва на примере ФЕ to go out like a candle:

"If that there King was to wake," added Tweedledum,
"you'd go out - bang! - just² like a candle!"

(L. Carroll. Through the
Looking-glass)

ФЕ разделена графическими средствами, при этом вторая, образная часть глагольной компаративной ФЕ является своего рода семантическим повтором первой³, создавая нарастание и тем самым усиление эмоционально-смысловой значимости ФЕ. В данном примере разрыв создан при помощи парентезы, которая прерывает языковую структуру ФЕ и выражает эмоции говорящего, передаваемые внезапной паузой внутри ФЕ, употреблением звукоподражательного междометия и

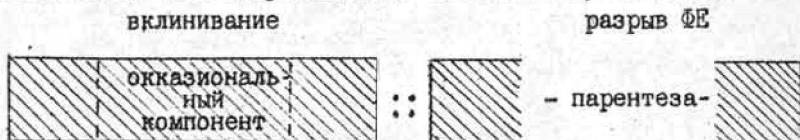
¹ На значимость интонации при сообщении дополнительной информации указывает И.Р.Гальперин [4, с.93].

² Just является вклиниванием, усиливающим значения ФЕ. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с конвергенцией двух приемов. Об использовании разрыва ФЕ как части фразеологической конвергенции см. [5].

³ Одно из значений to go out - (euph.) - to die [6, с.139].

восклицательной интонацией, отраженной графически восклицательным знаком. Графические экспрессивные средства отражают эмфатическую интонацию разрыва, которая безусловно диктуется содержанием сообщения.

Исходя из анализа данного примера, структурную непрерывность ФГ при вклинивании и разъединение ее при разрыве схематически можно представить себе в следующем виде:¹

Стилистический эффект, порождаемый разрывом, может быть многообразным, в зависимости от особенностей построения конкретного контекста, ибо разрыв свободно сочетается с другими стилистическими приемами. Напр.:

(as) thikke as greses²

And they wer set as thikke of nouchis
 Fulle of the fynest stones faire,
 That men rede in the Lapidaire,
As greses growen in a mede.

(G. Chaucer. The Hous of Fame)

Дистантное расположение компонентов ФЕ создает своеобразную рамку, в которой в левом положении оказывается (as) А, а в правом - вторая часть адъективной компаративной ФЕ as N. После появления первой части ФЕ as thikke, которая не является законченным смысловым единством, читатель, естественно, ждет логического завершения мысли, которое переносится в конец высказывания, замедляя, таким образом, повествование и создавая стилистический прием ретардации. Созданная экспрессия подкрепляется явлением переноса (enjambement) и соответствующей интонацией.

¹ Речевая форма ФЕ отмечена штрихом.

² ФЕ (as) thikke as greses устарела в современном английском языке.

Как следует из проведенного нами анализа, разграничение вклинивания и разрыва ФЕ требует учета структурных, семантических, интонационных и графических факторов при наличии стилистического эффекта преобразования. Для установления факта стилистического эффекта необходим тщательный анализ данного контекста.

Таким образом, мы считаем правомерным выделение разрыва ФЕ как самостоятельного стилистического приема, который проявляется не только в изменении языковой непрерывности структуры ФЕ и появлении дополнительных смысловых оттенков, но и в ритмических и интонационных моментах, подчеркиваемых графическими средствами. Во взаимодействии всех этих факторов и кроется стилистическая значимость разрыва ФЕ. Как стилистический прием разрыв ФЕ является воспроизводимым языковым элементом, он входит в систему приемов окказионального использования ФЕ в речи.

Литература

1. Кунин А.В. Английская фразеология (теоретический курс). - М.; Высшая школа, 1970. - 343 с.
2. Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: Дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. - М., 1964. - 1229 с.
3. Кунин А.В. Вклинивание как лингвистическое явление. - Иностранные языки в школе, 1973, № 2, с. 13-22.
4. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. - М.; Высшая школа, 1974. - 174 с.
5. Начисционе А.С. К вопросу о сложных окказиональных преобразованиях фразеологических единиц (на материале произведений Дж.Чосера). - Учен.зап.Латв.Гос. ун-та, 1975. Иностранные языки в высшей школе, вып. 2, с. 76 - 93.
6. Cowie A.P. and Mackin R. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English, vol. 1. - London: Oxford University Press. - 396 p.

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БЕЗАРТИКЛЕВОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В номинации вещественного признака в современном французском языке активно взаимодействуют вещественные прилагательные /ВП/ и эквивалентные им в функционально-семантическом отношении аналитические конструкции /АК/ модели "предлог + сущ." Цель данной статьи - описать структурно-семантические и функциональные характеристики указанных АК.

Анализ осуществляется на базе 4715 примеров, извлеченных в сравнительных целях из текстов самых различных жанров. Структурные типы инвентаризированных адъективных образований могут быть представлены в виде следующей таблицы.

de+N	en + N	à+N	sans+N	sur + N	N + N	Итого
3468	576	247	21	3	400	4715
73,6%	12,2%	5,2%	0,44%	0,06%	8,5%	100%

Рассмотрим каждый из указанных типов.

I. Модель *de + N* является наиболее продуктивной в языке. Она представляет собой сочетание предлога *de* с нечленным существительным. Структура синкретична, ибо объединяет два семантически различных типа сочетания: в единой форме: синтаксические конструкции /*des montagnes de savon, la production d'acier*/ и структурно-семантические комплексы, эквивалентные прилагательному /*une robe de soie, des plantes d'eau*/. Критерием дифференциации двух эмонимичных построений служат сохранение или утрата предметности именным компонентом, а также характер служебного элемента. Указанные признаки находят свое отражение в характере отношений между компонентами именного словосочетания /см. табл. /. Свободными, на наш взгляд, являются структуры со значением количественного ограничения типа *deux verges d'eau*, где существитель-

№	Тип отношений	Таблица		Примеры
		Кол-во АК	% от общего кол-ва АК	
1.	Вещественные	1744	50,3	maison de bois
2.	Количественные	424	12,4	bouteille de vin
3.	Объектные	105	3	production d'acier
4.	Целое и часть	96	2,8	poudre de sable
5.	Признак-его носитель	81	2,3	fraicheur d'eau
6.	Презентивные	57	1,6	pain de beurre
7.	Субъектные	55	1,6	chute d'eau
8.	Место-его назначение	48	1,4	bureau de tabac
9.	Происхождение	47	1,35	tache d'huile
10.	Локализация по месту	44	1,3	plante d'eau
11.	Инструментальные	36	1,04	coup de sang
12.	Релятивно-квалитативные	22	0,6	larmes de sang
13.	Производитель-объект производства	17	0,58	usine de savon
14.	Назначение	16	0,5	carte de pain
15.	Время-его назначение	7	0,2	jour de pluie
16.	Идентификация	1	0,03	trésor de pétrole
17.	Семантически сложные отношения	10	0,3	classe de neige
18.	Характеристика химических веществ	508	14,7	acétate de vinyl
19.	Переносные употреблениа	138	4	coeur de pierre
Итого		3468	100	

ное выступает в значении неопределенного множества и наде-лено "скрытым" артиклем по терминологии Guillaume II, с.130 I.

Сохраняют свои категориальные значения компоненты субъект-ных и объектных групп [2, с.4] типа une fuite d'eau, la distribution d'essence. Существовательные данных АК могут употребляться с артиклем /la recherche de l'or/, иметь па-радигму множественного числа /un marchand de tissu/, допус-кать трансформации, свойственные конструкциям с артиклем: la distribution de pétrole - on distribue du pétrole - va distribution.

Промежуточный тип образуют словосо-четания, в которых выражены отношения массы и меры переходит в характеристику предмета по его содержанию: une boîte de conserves, une bouteille de lait. Эти образования совме-щают два варианта значения: "содержащее - содержимое" и "на-значение". Однозначная идентификация значения АК происходит в контексте с vide и plein [3, с.277 I]: une boîte de conse-erves vide. Структурно связанными являются АК метафорическо-го количественного определения, где управляющее существи-тельное выступает в производном значении: un océan de fumée

/ограничение объема/; un nuage de poussière /название формы/.

Процесс превращения синтаксических сочетаний в устойчивые АК, эквивалентные прилагательным, связан с грамматизацией их компонентов: предлог утрачивает свое лексическое значение, тогда как существительное, смыслообразующий компонент группы, лишается частично или полностью своей предметной сущности и превращается в обозначение абстрагированного признака: un *voiselle de plomb*. При этом предлог под влиянием грамматического притяжения со стороны знаменательного слова Г 4, с. 37 Г образует с последним тесное семантическое единство, в результате которого группа слов превращается в "более или менее прочное фразеологическое единство, представляющее в смысловом отношении фразеологический эквивалент слова" Г 5, с. 15 Г. Прочность связи компонентов АК подтверждается материалом анализа особенно при их сопоставлении с отношениями между управляющим и зависимым существительным.

Так, если компонентам N de N присуща некоторая возможность по отношению друг к другу /ср.: *des épingles à large de plastique; de terre meuble les pentes* /, то члены АК допускают лишь введение детерминативов или определений, типа *beau, faux, gros* /9 примеров из 3468/: *la nappe blanche de grosse toile; boules de fausse nacre; un manteau d'un drap léger*. Представляется, что препозиция прилагательного при существительном не нарушает связи между ним и предлогом, по кольку в этом положении прилагательные в свою очередь, образуют тесное единство с определяемым Г 6, с. 49 Г. Единство компонентов АК сохраняется и при употреблении детерминативов, так как артикль предстает в данном случае как средство выделения в имени степени признака, обозначенного определением Г 7, с. 280 Г, что находит свое выражение, по данным анализа, в обязательном наличии конкретизатора при характеристике материала. Увеличение степени лексической слитности компонентов АК, как справедливо замечает А.Н. Копылов Г 8, с. 138 Г, приводит к утрате предлогом его специфики. Предложные сочетания с лексически связанными компонентами, по мнению ученого, обнаруживают тенденцию к морфологизации.

Предлог функционально приближается к морфеме. Ф.А.Третьяк [9, с.169] и Н.С.Холодкова [10, с.18] считают, что в современном языке с его тенденцией к неизменяемости основы стиранию морфологической дифференциации существительного и прилагательного создаются предпосылки для развития аналитической модели структуры прилагательного - служебное слово в функции грамматической морфемы + основа транспонированного существительного. Действительно, АК и ВП соотносимы по смысловой структуре. Их семантика определяется значением основы /л/ и категориальным /грамматическим/ значением суффикса, предлога, т.е. выражением атрибутивного отношения. Суффикс так же, как и предлог, придает основе общее категориальное значение, не привнося никакого семантического значения. Правомерность такой аналогии подтверждается наличием синонимических корреляций между обоими типами структур: une plaque métallique - une plaque de métal. Данный факт свидетельствует о единой синтаксической функции структуры в предложении. Функциональный параллелизм АК и ВП проявляется также в способности АК выступать не только в роли определения, но и в качестве предикативного члена: La bibliothéque serait de chêne claire; son coup se raidit et devient de marbre.

Подобно ВП, АК широко используются в качестве однородных членов с союзным и бессоюзным сочинением, допускают обособление, образуют с ВП ряды асимметрического сочинения: piliers métalliques et de béton.

Функциональная общность семантического и синтаксического порядка позволяет рассматривать АК в качестве аналитической раздельнооформленной единицы, эквивалентной цельному прилагательному. Вместе с тем неоднородность данного типа единиц не дает оснований для рассмотрения их всех в качестве аналитического прилагательного, как это имеет место в работе Н.С.Холодковой [10, с.19]. Фактический материал показывает, что в языке, с одной стороны, наблюдаются свободно конструируемые в речи АК типа une flamme de gaz, эквивалентные в функционально-семантическом отношении ВП, но допускающие распространение именного компонента конкретизаторами и детерминативами, а также его из-

менение в числе: les odeurs de chocolat - l'odeur du chocolat - une odeur de plomb fondu; nos manteaux de fourrures - la couverture de fourrure. Рассматриваемые АК образуют функциональный класс атрибутивов морфолого-аналитической структуры и как класс на уровне речи противопоставляются прилагательным, которые выявляются как класс на уровне языка. С другой стороны, существуют устойчивые АК, в составе которых существительное лишено своих парадигматических признаков и потенциала сочетаемости типа un regard de pierre, un livre d'or, ville d'eau. Подобно прилагательным, они существуют в языке как готовые номинативные единицы и воспроизводятся в речи. Поскольку у в современном французском языке явно выражена тенденция к сокращению системы изменяемых слов [II, с. 29], считаем вполне обоснованным, исходя из моделированной структуры, семантики и функций, отнести АК данного типа к аналитическим прилагательным [I2]. Наблюдения показывают, что АК лексикализуются как отдельно: une voix de feutre, l'aiguille de cristal, так и одновременно с лексикализацией словосочетания в целом: rain d'épice, chemin de fer. Промежуточным типом, конституирующим в себе одновременно процессы адъективации и субстантивации, служат АК узуальной разновидности, оба компонента которых выступают в прямом номинативном значении, но в отличие от свободных словосочетаний идентичной формальной структуры данные образования служат для выражения узуальной, а не окказиональной разновидности предмета: un ver de terre, l'huile d'olive и др.

II. Модель en + N - вариант предыдущей модели в передаче вещественных отношений. Часть исследователей не видит существенной разницы между обеими конструкциями, считая их семантически равнозначными /Э. Брюно, В. Вартбург, Л. И. Илия и др./. Другие же обнаруживают в них различия /Б. Потье, Ж. Гугенейм, Г. К. Алексеева и др./. Материал анализа позволяет присоединиться ко второй точке зрения. Дифференцирующие признаки сравниваемых структур проявляются в следующем:

I. Во-первых, конструкция характеризуется различной семантико-грамматической природой своих компонентов. Де - максимально грамматикализованный элемент, тесно примыкаю-

щий к частично или полностью лишенному своих парадигматических признаков существительному. Ен в значительной степени сохраняет свое лексическое значение [13, с. 106]. Существительное, к которому присоединяется предлог, выделяется большей конкретностью и самостоятельностью, что может быть связано с общей исторически сложившейся нормой - неупотреблением артикля при существительном после предлога ен [14, с. 94]. Указанные признаки довольно четко проявляются в синтагматической характеристике структуры, при ее сравнении с моделью de + N. Ен + N обладает большей свободой и мобильностью по отношению к управляемому члену словосочетания, чем de + N : elle m'avait montrés en cire, en plâtre, peints sur les murs, des portraits du petit Jésus. В случае наличия определения при управляемом существительном более частотна модель с en, чем с de: des bas en soie neuf-des bas neufs de soie. Данный факт подтверждает наблюдения L. Carlsson [3, с. 203].

2. Во-вторых, сравниваемые модели расходятся в объеме синтаксических функций. Ен + N свободно употребляются как в функции определения, так и в функции предикативного члена, причем вторая функция у ен + N значительно сильнее выражена, чем у de + N / ср.: ен + N - 35,6% примеров из 576; de + N - 12,0,3% примеров из 3468/. Для модели de + N характерно свободное употребление в функции определения и ограниченное в функции предикативного члена.

3. В-третьих, использование ен + N в переносных значениях чрезвычайно редко: un globe en or, un gars en or, тогда как de + N легко приобретает переносные значения.

4. В-четвертых, лексическое значение ен подчеркивает процесс изготовления вещи из данного материала [15, с. 160]. Модель de + N просто обозначает материал, из которого сделан предмет. При этом важен факт изготовления из материала, сам же процесс изготовления остается в тени. Отсюда следует, что употребление предлога ен акцентирует внимание на характеристике предиста, делая ее тем самым более весомой, выразительной, экспрессивной [14, с. 97]. Данное обстоятельство, пожалуй, лежит в основе значительно более частого обособления структуры с ен, чем с de : Celui, en argent, d'ш

moins vingt ans. Но если с en мы подчеркиваем внешний вид предмета, то с de выделяем внутренние физические и химические свойства материала - его прочность, эластичность, а иногда даже дополнительные положительные или отрицательные качественные оттенки: une médaille de bronze en chocolat. В некоторых случаях этот факт является основой для смысло-различительного употребления предлогов de и en: un bouton d'or /цветок/ - un bouton d'or /пуговица/. Способность модели en + N выделять обозначаемый признак находит свое отражение в специфике ее распространения - в рекламе /135 примеров из 231; в худ. прозе - 19/.

III. Модель sans + N выступает в значении "характеризующийся отсутствием чего-либо": un foyer sans feu, le désert sans eau. Образованные по ней атрибутивные сочетания являются носителями общекатегориального значения прилагательных, выполняя в предложении единую синтаксическую функцию. Кроме того, данные АК идентичны прилагательному функционально: выступают в роли определения, именной части сказуемого /notre vie commune sans nuages /, легко допускают обособление /c'était l'hiver, sans pluie, sans neige, avec de l'humidité froide dans l'air /. Модель создает в основном атрибутивы морфолого-аналитической структуры, выполняющие адъективные функции на уровне речи, компенсируя тем самым средствами аналитического словообразования недостаточность морфологических способов выражения относительного признака.

IV. Образования модели sur + N немногочисленны /3 примера/. А. Blinkenberg [16, с. 282] видит в них отношение локализации и отмечает связанный характер компонентов, образующих терминологическое словосочетание: la peinture sur porcelaine, une gravure sur bois, un machiniste sur bois.

V. Модели ā + N посвящены как специальные исследования /Е. Ухерек, Б.И. Бурбело/, так и многочисленные работы общего характера /А. Дармстетер, Л. Карлсон, У. Вандрушка, Л.И. Илия и др./. Изучение лингвистической литературы и фактический материал показывают, что сущность указанных АК сводится к выражению трех основных отношений: выделяющего призна-

ка, назначения и инструментальных.

1/ Структуры типа *le café au lait* /всего 80 примеров/ характеризуют предмет одним из своих элементов, выражая тем самым отношение целого к части. Во французской лингвистике распространенным является мнение о *N à N* данного типа как о лексикализованных словосочетаниях. Однако наблюдения показывают, что *à + N* выделяющего признака по материалу не создают нечленимого смыслового единства с управляющим членом словосочетания и сохраняют свою семантическую и синтаксическую автономность. Последнее проявляется на синтагматическом уровне в способности группы находиться в дистантной позиции к управляющему существительному: *les sols intérieurs, mis à part la cuisine et les salles de bain, sont à la chauffe*; допускать обособление: *Qu'est-ce que c'est, un masspain? Et à la crème, dit Camier. Mais naturellement à la crème!* s'écria Mercier-Beckett; стоять в препозиции: *A poil long, la robe du saint-bernard est pie rouge et mauve.* Ucherek. Исследуемые структуры оформляются, как правило, определенным артиклем /78 из 80/ независимо от характера детерминации управляющего существительного: *la soupe aux pois chiches; une soupe aux oignons.* Случаи нечленной структуры редки /2 примера/: *un chapeau à plumes; un manteau de fourrure à poil ras.* Отсутствие артикля возможно в силу наличия оппозиции: *un chapeau à plumes/sans plumes; un manteau à poil ras/à poil long* Г I7, с. 45 I.

2/ Группы назначения модели *à + N*: *moulin à café* /всего 112 примеров/ образуют семантическое единство и структурно замкнутое целое в составе словосочетания, носящего терминологический характер. Смысловая спаянность компонентов словосочетания достаточно высокая, поскольку не допускается их разъединение вводом других элементов. Но как и предыдущие образования, данные словосочетания не обладают слитностью номинации: оба их компонента выступают в прямом номинативном значении. Однако в отличие от свободных словосочетаний идентичной структуры эти построения служат для выражения узальной, а не окказиональной разновидности предмета, в силу чего используются как готовые номинатив-

ные единицы: boîte à pain en bois naturel. Степень семантической спаянности компонентов словосочетания исследуемого типа не одинакова. Наблюдаются образования, в составе которых зависимое существительное еще сохраняет некоторую самостоятельность: le four à charbon de bois; une corbeille à papier - une corbeille à papiers. Промежуточным типом между АК выделяющего признака и назначения являются построения типа le pot à /l'eau, une boîte à /aux fruits, которые конституируют в себе оба указанных т.па отношений, в силу чего допускают различное оформление зависимого компонента. АК с артиклем имеет тенденцию к исчезновению [17, с.75].

3/ Инструментальные АК модели $\bar{a} + N$ лексикализируются, как и предыдущий тип, одновременно с лексикализацией словосочетания в целом: machine à vapeur, fourneau à gaz /всего 55 примеров/. Спаянность компонентов данных образований слабее, чем в группах назначения. Словосочетания допускают разъединение своих компонентов: une chaudière modulaire à gaz; ce foyer de la lessiveuse peut être à bois ou à charbon. Усеченный член АК может иметь уточняющие определения: une lampe à vapeur или детерминативы /определенный артикль/: un brûleur à gaz - des expériences d'éclairage au gaz. Таким образом, далеко не все словосочетания модели $\bar{a} + N$ образуют связанные, неделимые по смыслу структуры, какими обычно принято их рассматривать во французской лингвистике. Основу образований составляют группы узуальной разновидности, совмещающие в себе одновременно процессы субстантивации и адъективации. Кроме того, существуют многочисленные переходные типы, которые уже нельзя отнести к свободным словосочетаниям и еще нельзя считать вполне лексикализованными: le réchaud à gaz d'alcool - une chaudière mixte à gaz. Разграничить же полностью свободные и лексикализованные образования не представляется возможным. Группы узуальной разновидности являются тем промежуточным звеном, которое соединяет свободные и связанные структуры.

Литература

1. Guillaume G. Le problème de l'article et sa so-

- lution dans la langue française.-P.; Maisonneuve.-318 p.
2. Хляпина Э. Л. Именные предложные словосочетания современного французского языка, выражающие атрибутивные отношения: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук.-М., 1976.-22 с.
 3. Carlsson L. Le degré de cohésion des groupes Subst.+de + Subst. en français contemporain.-Uppsala, 1966.-220 p.
 4. Петрова Н. В., Пиотровский Р. Р. Некоторые теоретическо-информационные оценки аналитизма /на материале французского языка/. -В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов: Тез. докл. Л., 1962, с. 37 - 38.
 5. Жирмунский В. М. О границах слова. -Вопр. языкознания, 1961, № 3, с.3 - 21.
 6. Бородина М. А. О семантико-грамматических связях /на материале прилагательных французского языка/. -Учен. зап. Горьк. пед. ин-та ин. яз., 1958, вып. 7, с.49-56.
 7. Ройзенблит Е. Б. К вопросу истории развития определенного и неопределенного артикля во французском языке: Дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук.-М., 1954.-290 с.
 8. Копылов А. Н. О функции предлога в словосочетании и предложении. -В кн.: Вопросы романского языкознания. Кишинев; Ш.инца, с. 132 - 141.
 9. Третьяк Ф. А. Имя существительное как субститут прилагательного: Дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук.-М., 1966.-180 с.
 10. Холодкова Н. С. Аналитические тенденции в классе имен прилагательных современного французского языка: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук.-М., 1977.-21 с.
 11. Dubois J. Grammaire structurale du français: nom et pronom.-P.: Larousse, 1965.-190 p.
 12. Левит Э. Н. К проблеме аналитического слова в современном французском языке.-Минск: Высшая школа, 1968.-448 с.

13. de Boer C. Essai sur la syntaxe moderne de la préposition en français et en italien.-P.:Champion, 1926.- 123 p.
14. Никитина Г. П. Имя существительное с предлогом в функции определения. - Учен.зап.ЛПШ им. А.И.Герцена, 1959, т.212, с. 91 - 101.
15. Gougenheim G. La préposition "en" devant certains compléments de matière dans la langue du XVI siècle. - In: Mélange Marcel Cohen.-The Hague-Paris, 1970, p. 156 - 168.
16. Blinkenberg A. Le problème de la transitivité en français moderne.-Köbenhavn, 1960.-366 p.
17. Ucherek E. La préposition "a" dans le syntagme nominal en français contemporain.-Wrocław, 1974.-190 p.

ПОЛЯРИЗАЦИЯ ОБОЗНАЧЕНИЙ ЧИСЛА В РЕЧИ
И ЕЕ КОНТЕКСТОВЫЕ УСЛОВИЯ
(на материале английского языка)

Числовыми значениями будем считать значения слов любой части речи, указывающих на число, а именно: количественных и порядковых числительных;¹ существительных, прилагательных, наречий и глаголов, имеющих числовое значение (как *dozen, single, twice, to triple* и т.п.); неопределенного артикля в числовой функции (как в сочетании *a thing or two*).²

Значение числа по своей природе неразложимо; это есть указание на точное количество чего-либо (или точное место в числовом ряду). Однако, в условиях речи числовые значения подвергаются различным модификациям. Одно из важнейших явлений такого рода — поляризация, или приписывание обозначениям числа (ОЧ) противопоставленных признаков "мало" или "много".

Можно считать, что все ОЧ имеют интегральный компонент значения (интегральную сему) "количество" (обозначим через N) и дифференциальную сему точного числового значения (n). Таким образом, обозначение определенного числа можно выразить как совокупность признаков Nn . При распределении по предметам счета в ходе коммуникации к числово-

¹ Мы придерживаемся здесь принятого в советской грамматике выделения числительных в особую часть речи на основе, главным образом, лексического значения. В словарях встречается отнесение рассматриваемых нами слов к разряду существительных (прилагательных), например, в словаре Вебстера.

² Слова, включающие компонент числа, но не обладающие числовым значением, рассматриваться не будут (например, *triode, pentoxide*).

му значению может присоединяться компонент количественной оценки (Q) - "мало" или "много". Например:

"I suppose I can't object to you having guests in your house, though I must say, it is a bit difficult when you never know whether you are to provide for three or thirteen". (25/121)

Легко видеть, что в этом примере ОЧ three и thirteen притягиваются к противоположным полюсам ("мало" и "много", соответственно).

Поляризацию представляется возможным рассматривать как своего рода гиперсемантизацию.¹ Nn становится Nn + Q.

Очень часто, однако, за поляризацией ОЧ следует другой семантический процесс, а именно: ослабление числового значения.² Обозначим этот процесс как переход n в n; назовем его аппроксимацией.³ При аппроксимации (A) числовое значение не исчезает полностью, а как бы размывается, обозначая некоторое количество, близкое к Nn, соответствующему данному ОЧ (для выражения A нередко используются два ОЧ, указывающие на границы колебания числа). Например:

Two or three other people in the store were, like Erica, browsing. (32/314)

Как всякое ослабление значения, A следует отнести к

¹ Под гиперсемантизацией понимается такое явление, когда на единицу выражения (т.е. слово - Н.Ф.) приходится больше содержания, чем принято в норме [12, с. 38].

² Сами эти факты уже отмечались в литературе как на русском [14; 15; 16], так и на английском материале [3; 10; 11; 13; 17; 18].

³ Близко к A, но не тождественно ей понятие размывтого количества в работах Н.Науменко [10, 11].

процессам частичной десемантизации.¹ Здесь скрещиваются два противоположных семантических процесса: добавление Q обогащает значение, а при переходе n в n слово содержит меньше информации, чем прежде.

Процессы изменения значений, происходящие при аппроксимации OЧ, могут идти еще дальше. А - вторая ступень приближения OЧ к обозначению неопределенного количества - может явиться первой ступенью десемантизации OЧ.² Значение числа может почти полностью вытесняться компонентом Q:

She had a thousand things to talk to Mike about. (35/93)

При этом обычно происходит гиперболизация, которая часто соединяется с эмотивной окраской высказывания. Например:

"Man you ain't black, you don't know what it means... It's a million goddam pins bein stuck in from time you was born..." (32/34)

При А, соединенной с поляризацией, значение OЧ стремится к "мало" или "много". Отметим, однако, что существуют случаи, когда OЧ остается как бы между полюсами, обозначая некоторое среднее число, не большое и не малое; OЧ в сущности становится эквивалентным форманту множественного числа. Будем говорить в таких случаях о присоединении к Nn экзистенциональной семы (E). Например:

Under glass, a half dozen upholstery samples

¹ По определению Н.Н. Амосовой, десемантизация - это "ослабление лексического значения" слова [1, с. 21-22]. Таким образом, под десемантизацией лексического значения слова мы будем понимать его ослабление или упрощение, что заключается в утрате одного или нескольких его компонентов.

² Под десемантизацией обозначений числа мы будем понимать утрату словом числового значения и преобразование этого значения в неопределенное выражение количества "мало" или "много".

had been arranged, each identified by mill and purchase number. (32/76)

Основной целью работы является выяснение контекстовых условий поляризации ОЧ по оси "мало" - "много". В этой связи в нашу задачу входит выделение тех лингвистических явлений, которые могут служить маркерами поляризации.

Поляризация не имеет себе соответствий в кругу математических понятий.^I Сами понятия "мало" и "много" носят прагматический характер; они устанавливаются обществом и различны для разных классов исчисляемых объектов. Направление поляризации определяют следующие факторы:

1) оценка квантификатора (т.е. ОЧ). Здесь большую роль играет близость денотата ОЧ к 0 или (абсолютный фактор). Например, к группе "мало" можно отнести ОЧ, недалекие от нуля в ряду положительных чисел, поскольку для большинства ситуаций такое количество предметов или явлений считается малым. Числа же от 100 и более являются реально большими для основной массы жизненных ситуаций (по крайней мере для собранных нами примеров);

2) оценка квантификата (предмета счета), которая производится на основе опыта говорящих в данном языковом коллективе. Имеется в виду то, что для разных классов исчисляемых объектов обществом устанавливаются разные масштабы счета. Так, например, разные масштабы счета применяются к денотатам-объектам и денотатам-обозначаемым времени;

3) оценка конкретной ситуации употребления ОЧ. В зависимости от конкретных условий, языковых и ситуативных, ОЧ могут выступать как для обозначения малых, так и боль-

^I В математике имеются понятия "меньше" и "больше", а также "бесконечно малого" и "бесконечно большого" числа, в чем легко убедиться, просмотрев любой математический справочник (см., например, Выгодский М.Я. Справочник по высшей математике. - М.: Наука, 1969, с. 261-263).

ших количеств. Направление поляризации в этом случае будет определяться на основе расшифровки всего отрезка коммуникации, содержащего ОЧ (в художественном тексте на основе анализа конституции, т.е. микро- и макро-контекста).¹

В процессе поляризации обычно сочетается действие различных факторов. В этой работе, однако, мы будем по возможности отвлекаться от экстралингвистических факторов (тезаурус), обращая внимание на контекстовые условия реализации этого процесса.

Эти условия можно предварительно разграничить следующим образом:

1. Зависимость от лексико-семантических свойств определяемого слова.

2. Наличие в контекстах употребления ОЧ лексических маркеров количественной оценки (слов, содержащих в своем значении сему Q и коррелирующих с ОЧ по смыслу).

3. Прочие свойства контекста. Ряд особенностей контекста, например, синтаксические структуры, должны сочетаться с основными средствами маркирования поляризации, усиливать оценочно-прагматический фактор высказывания.

Материал исследования позволил нам выявить маркеры Q на четырех уровнях: 1) морфологическом; 2) лексическом; 3) синтаксическом; 4) просодическом.

1. Морфологическим маркером Q можно считать формант множественного числа ОЧ. Форма множественного числа, как правило, используется для обозначения неопределенно большого количества предметов счёта:²

There were hundreds of legitimate questions
which anyone dealing with a bank could

¹ Проводя исследование, мы спиральсь на определение микро- и макро-контекста, данное Г.В. Колшанским [4; 5].

² На этот факт уже указывали исследователи [3, с. 4-5; 16, с. 156].

reasonably ask. (31/197)

II. Лексические маркеры Q наиболее многочисленны. Их условно можно разделить на контактные и дистантные.

I. КОНТАКТНЫЕ маркеры Q устанавливаются на основе анализа сочетаемости ОЧ со словами, обозначающими различные предметы счета. К ним относятся:

1) единицы обозначения времени, мер и весов (такие, как second, minute, hour, day, week, month, year, decade, century, age, millenium; inch, foot, yard, mile, ounce, pound, kilogram, ton; pint, quart, bushel, gallon, а также их синонимы, принятые в обиходе (в наших примерах lifetime, step, glass и др.).

(1) When I joined Lydia two MINUTES later, she had nothing to say of Tom. (19/34)

(2) Every Sunday the Aspens drove down twice to church in the big closed Daimler, transferring themselves to the big closed pew that was theirs by three or four CENTURIES of tradition. (20/36)

В фрагментах (1) и (2) направление поляризации ОЧ определяется сочетаемостью с единицами времени (minute индуцирует сему "мало" (Q_1), century - "много" (Q_m), соответственно);

2) слово time в значении "раз". В тех случаях, когда денотат ОЧ больше 3, сочетаемость с time обычно указывает на Q_m :

Mrs. Davenport fussed and fretted and had me yanking her leg up and down five or six TIMES. (24/110)

2. ДИСТАНТНЫЕ лексические маркеры Q включают слова более отдаленного контекста, коррелирующие с ОЧ по смыслу, которые: 1) или содержат непосредственно в своем значении сему Q, 2) или способствуют усилению признака "мало"/"много", индуцированного контекстом в значении ОЧ.

К первой группе относятся лексические средства выра-

жения понятий "мало - много", "уменьшение - увеличение", а также слова из ЛСГ, обозначающей размер, возраст, протяженность во времени, частоту и др.^I Сюда входят:

для маркирования Q

а) количественные определители (little, less than, a few, fewer than, not much, not as many as, not more than): He said, "Did Harry smoke much?"

- "NOT MUCH. Two or three a day." (21/43)

б) наречия со значением частоты (rarely, seldom):

Then he lay awake at night thinking of all the charming gallantries he might have employed; but he RARELY got the second chance, for the girls left him alone after a trial or two. (33/98)

в) прилагательные, обозначающие размер (little, small, short, narrow), возраст (young), протяженность во времени (brief, short), частоту (odd, rare):

Martinetas were to be seen everywhere along the rough roads in LITTLE groups of five or ten. (28/68)

г) глаголы со значением уменьшения и ограничения (to confine, to diminish):

"...Joe CONFINED himself to the people he grew up with. Two or three friends that we saw a great deal of..." (34/7)

для маркирования Q_m

а) количественные определители a lot of, enough, (as) many (as), (as) much (as), more (than), over (в значении "сверх", "более"):

...they (the natives) sometimes killed AS MANY AS three sheatfish with a single blow. (30/337)

б) наречия со значением частоты (always, all the ti-

^I По этому вопросу ведется ряд работ как на русском [2; 6; 16], так и на английском материале [6; 7].

me, every, frequently, often):

Before I bought the padlock for my bicycle, it was ALWAYS disappearing, sometimes for two or three days. (24/68)

в) прилагательные, обозначающие количество (numerous, various), размер (big, great, full, large, long, wide), протяженность во времени (full, long), возраст (old), частоту (frequent):

There was what I took to be George ... with a BIG piece of plywood about two feet by four on the floor by him. (36/187)

г) глаголы со значением увеличения (to enlarge, to grow) и чрезмерного множества (to cram, to crowd, to swarm): It (Victoria Station) was CROWDED and SWARMING with school parties, hundreds of schools all gathered together. (26/61)

Характерно, что глаголы crowd и swarm в сочетании с ОЧ в форме множественного числа создают элитивную степень признака Q_m . Отмечается также использование усилителя all для акцентирования количества.

д) существительные, обозначающие большое количество (conglomerate, variety):

Between then and now he had restored the company's fortune, enlarged it to a spectacular CONGLOMERATE, thrice split its shares and quadrupled its dividend. (31/220)

В этом контексте обращает на себя внимание взаимодействие двух лексических маркеров Q_m to enlarge и to conglomerate (с усилителем spectacular), индуцирующих сему "много" в семантике ОЧ.

Вторая группа включает слова, которые способствуют усилению признака "мало"/"много",¹ индуцированного кон-

¹ См. также о роли усилителей/ограничителей при определении количества в [18, с. 14]; [19, с. 21, 50, 110, 123].

текстом в значении ОЧ. Эти лексемы можно условно разделить на "уменьшители" и "увеличители" (акцентирующие противопоставленные семы Q_1 и Q_m , соответственно). Так, к "уменьшителям" относятся: *hardly, only, except:*

The loan officer, ONLY a half a dozen desks
away looked directly at Edwin. (31/27)

В роли "увеличителей", в свою очередь, могут выступать: *almost, already, at least, even:*

"Why it happened ALMOST twenty-five
years ago." (36/315-316)

Указательные местоимения *this (these)* и *that (those)* в сочетании с ОЧ (как правило, во множественном числе) также имеют количественно-усилительную функцию:

She took the next plane on k to Orly and
joined THOSE hundreds, THOSE thousands of
Americans who stream through Europe ... as
if they were a truly homeless people. (23/164)

Лексические и морфологические маркеры Q в этом примере сочетаются с синтаксическими средствами эмпазы (использование параллельных конструкций, создающих эффект нарастания).

Следует иметь в виду, что репертуар выделенных нами лексических маркеров Q является открытым, поскольку наши примеры не исчерпывают всех возможностей языка.

Рассмотрим далее прочие особенности контекста, которые сочетаются с основными лексическими средствами маркирования поляризации.

III. Особенности синтаксиса.

1. Повтор ОЧ в контексте, как правило, служит для усиления признака "много":

My window looked out into an enclosure where
I could see, upwards, downwards and sideways
a hundred, hundred windows exactly like mine.

2. Использование ОЧ в риторическом вопросе (по крайней мере в наших примерах) акцентирует признак "много":

... and how could anybody believe one half of the misery she had then endured? (27/122)

3. Отрицание чаще используется для усиления компонента "мало":

I had not been in bed ten minutes before three of the maids settled down outside my door for a long gossip ... (24/80)

Сочетаемость ОЧ с *minute* показывает направление поляризации.

4. Выделение ОЧ в начале предложения служит средством эмфазы и для "мало", и для "много":

- (1) Five times in the next hour Mrs Legendre tried to get Hempstead on the phone. (29/103)
- (2) A phone call or two a week and the odd visit were hardly the structure of a mutual life. (27/171)

В примере (1) акцентируется признак "много": помимо общего смысла контекста на это указывает сочетаемость ОЧ с *time*.

В фрагменте (2) усиливается компонент "мало"; здесь имеются лексические маркеры Q_1 (*odd* и *hardly*).

IV. Просодика.

Усиление части высказывания, содержащей ОЧ, может достигаться при помощи эмфатической интонации, отмечаемой на письме восклицательным знаком или особым шрифтовым выделением (например, курсивом):

"... if I went to college I'd be twenty-three by the time I got out. TWENTY-THREE! Fan my brow." (34/292)

В приведенном отрывке просодико-графические средства эмфазы (курсив и знак !) выступают во взаимодействии, что особо акцентирует компонент Q в значении ОЧ. Примеры показывают, что в подавляющем большинстве случаев просодика используется для усиления признака "много".

Выводы

I. Материал показывает, что в условиях речи обозначения числа (ОЧ) часто претерпевают процесс поляризации: к числовому значению присоединяется компонент количественной оценки (Q), представленный в виде двух полюсов "мало" и "много".

Поляризация нередко сопровождается ослаблением числового значения — десемантизацией; при этом значение точного числа может преобразовываться в приближенное (аппроксимация), или неопределенное (часто гиперболизированное) выражение количества ("мало"/"много").

Основной целью исследования явилось выяснение контекстных условий поляризации.

II. Анализ контекстов употребления поляризованных ОЧ позволил нам выделить маркеры Q на четырех уровнях:

1. На морфологическом уровне маркером Q выступает формант множественного числа ОЧ.

2. На лексическом уровне имеется целый арсенал средств маркирования Q, которые подразделяются на:

1) лексические средства передачи Q (содержат сему количественной оценки в значении);

2) лексические средства усиления Q, индуцированного контекстом.

3. Синтаксические маркеры Q представлены рядом структур, которые акцентируют компонент Q в семантике ОЧ.

4. Просодико-графическими маркерами Q могут служить восклицательный знак и курсив (в наших примерах) как средства передачи эмфатической интонации

Просодика, как и синтаксис, служит для усиления признака Q, не раскрывая его характера в отрыве от основных лингвистических средств выражения количественной оценки.

В употреблении синтаксических и просодических средств

маркирования Q наблюдается ряд тенденций: одни тяготеют к "много", другие - к "мало".

Морфологические, лексические, синтаксические и просодические маркеры часто взаимодействуют в пределах одного контекста.

Литература

1. Амосова И.Н. Слово и контекст. - Учен.зап.Ленингр.-ун-та, Серия Филол. наук, 1958, 243, № 42, с. 3 - 25.
2. Кяпралова С.Г. Из наблюдений над лексической группой, связанной синонимичными отношениями со словом "большой". - Учен.зап.МПИ, 1969, №326, с.19-33.
3. Клавз И.Н. Средства выражения числовых значений существительного в современном английском языке: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. - М., 1955. - 22 с.
4. Колшанский Г.В. О понятии контекстной семантики. - В кн.: Теория языка. Англистика. Кольтология. М.:Наука, 1976, с.69-75.
5. Колшанский Г.В. О природе контекста. - Вопросы языкознания, 1959, № 4, с. 47-49.
6. Лишник Т.Г. Структура лексико-семантической группы, обозначающей размер (на материале русского, украинского и английского языка): Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. - Киев, 1975. - 27 с.
7. Максимчук И.Н. Система лексико-грамматических средств выражения количественных связей в структуре существительного: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. - Луцк, 1975. - 27 с.
8. Мальцев В.А. Английские эмоционально-усилительные наречия: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. - Л., 1964. - 24 с.
10. Науменко И.И. Понятие значения размытого количества, передаваемого именем числительным количественным: Сб. науч. тр. Кубанского ун-та.-Краснодар, 1979, с.39-46.

11. Науменко Н.М. Сочинительная структура Num₁ + Num₂ как средство передачи значения размытого количества. Депонирована в ИНИОН АН СССР № 33340. Библиогр. описание см. в бюллетене ИНИОН. - Новая советская литература по общественным наукам. Языкознание, 1979, № 8.
12. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании: Автореф. дис. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. - Л., 1974. - 44 с.
13. Сергеев В.И. Роль квантификаторов в выражении определенного и неопределенного количества в английском и чувашском языках. - В кн.: Сопоставительная лингвистика и обучение иностранным языкам в условиях двуязычия. Чебоксары, 1976, с. 57-64.
14. Супрун А.Е. О русских числительных. - Фрунзе: Изд-во Кирг.ун-та, 1959. - 35с.
15. Супрун А.Е. Обозначение неточных (приблизительных) количеств при помощи определенно-количественных числительных. - Учен. зап. Кирг. ун-та, Фрунзе, 1962, вып. 8, с. 5 - 14.
16. Тихонова М.Ю. Лексико-фразеологическая микросистема "много" в современном русском языке: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. - Самарканд, 1971. - 27 с.
18. Щebetенко Е.В. Группа квантификаторов как лексико-грамматическая система выражения неопределенного количества в английском языке: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. - М., 1977. - 16 с.
19. Bolinger D. Degree words. - Mouton: The Hague-Paris, 1972.
20. Bates H.E. Love for Lydia. - Harmondsworth (Mdd'x): Penguin Books Ltd, 1978. - 300 p.
21. Canning V. Firecrest. - London: Pan Books Ltd, 1975. - 219 p.

22. Cheever J. *Bullet Park*. - London: Cape, 1969. - 245 p.
23. Cheever J. *The brigadier and the Golf Widow*. - New York: Harper & Row, 1964. - 275 p.
24. Dickens M. *One pair of feet*. - Harmondsworth (Mdd'x): Penguin Books Ltd, 1977. - 221 p.
25. Dickens M. *The fancy*. - Harmondsworth (Mdd'x): Penguin Books Ltd, 1978. - 329 p.
26. Drabble M. *Jerusalem the Golden*. - Harmondsworth (Mdd'x): Penguin Books Ltd, 1977. - 206 p.
27. Drabble M. *The needle's eye*. - Harmondsworth (Mdd'x): Penguin Books Ltd, 1977. - 399 p.
28. Durrell G. *The whispering land*. - Л.: Просвещение, 1979. - 207 с.
29. Fitzgerald S.F. *Selected short stories*. - Moscow: Progress Publishers, 1979. - 306 p.
30. Gary R. *The roots of heaven*. - USA: Popular Library Edition, 1964. - 477 p.
31. Hailey A. *The moneychangers*. - New York: Bantam Books, 1976. - 500 p.
32. Hailey A. *Wheels*. - London: Pan Books Ltd, 1973. - 415 p.
33. Mitchell M. *Gone with the wind*. - London: Pan Books Ltd, 1974. - 1011 p.
34. O'Hara J. *Ten North Frederick*. - New York: Bantam Books, 1957. - 408 p.

35. Robins D. *Women who seek*. - Granada Publishing Ltd: 1976. - 175 p.
36. Warren R.P. *All the King's men*. - Moscow: Progress Publishers, 1979. - 370 p.

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В настоящее время в исследованиях терминологической лексики все шире используется системный подход, имеющий целью познание объекта в его целостности. Принцип целостности является одним из ведущих проявлений интегративных тенденций в науке сегодняшнего дня. Накопленная человечеством информация создала предпосылки для формирования единой системы знания, отражающей материальное единство мира [1, с. 32]. Система современного знания обладает сложной структурой благодаря сближению и взаимопроникновению разных наук, увеличению удельного веса проблемных исследований по сравнению с отраслевыми, а также благодаря использованию во всех науках общих междисциплинарных концепций, теорий и методов (например, кибернетики, теории информации, общей теории систем, статистических методов и др.). Такое положение затрудняет классификацию наук по предмету исследования. В настоящее время на более важное место выходит уровень фундаментальности той или иной науки, соотношение теоретического и эмпирического.

В данной статье предлагается гипотеза — подойти к проблеме типологии и классификации наук на основании типологии терминологических систем. "Овладеть тайнами науки — значит понять законы развития научного знания, создания новых теоретических построений, вскрывающих законы природы и общества. А это невозможно сделать без анализа мышления, что входит в задачи логики" [2, с. 10]. Языковые знаки, как форма существования понятий, связывают мышление и действительность.

Все сведения о состоянии науки мы получаем из ее описания на естественном языке. Поэтому можно предположить, что в терминологиях, закрепляющих в форме словесных знаков систему понятий науки или техники, отражаются общие зако-

номерности современного знания и одновременно проявляются сущностные характеристики той или иной науки. Научную терминологию можно считать информационной (знаковой) моделью этой науки [3, с. 34].

Таким образом, в попытке предложить путь к созданию типологии терминосистем мы исходим из предположения, что своеобразие любой терминологии обусловлено характером науки.

Для выявления типологии терминологий была разработана вероятностная модель на основании количественно-качественных характеристик. Для создания модели важным является выбор наиболее существенных, функционально зависимых признаков и их комбинации. Так, были выбраны четыре пары признаков: однозначность-многозначность; конкретность-абстрактность; простота-сложность морфологической структуры; исконность-заимствованность.

Комбинаторика четырех пар признаков и их количественное соотношение стали возможными с введением в лингвистику решеток Вейтча, заимствованных из Булевой алгебры [4, с. 55]. Решетки Вейтча использовались в близких нам целях в работе В.Г. Малаховой для построения вероятностной модели низкочастотного слова [5], а в кандидатской диссертации Г.В. Козловой для моделирования полисемантического термина [6] и в кандидатской диссертации И.А. Изергиной [7] для отражения семантических и структурных свойств термина, имеющего синонимы.

Приблизительный анализ английской терминологии электроники на материале всего списка терминов, представленных в частотном словаре П.М. Алексеева [8], показал, что для этой терминологии характерна однозначность, абстрактность, заимствованность и сложность морфологической структуры. Интересно отметить, что выбранные признаки являются взаимно детерминированными: выяснив один из признаков (например, заимствованность), можно предсказать остальные три.

При справедливости этой модели для характеристики

терминологии электроники конкретное численное наполнение квадратов решетки Вейтча связано с более частными факторами. Так, большее или меньшее преобладание однозначных терминов зависит от учета общенаучных слов или только отраслевых терминов, от соотношения абсолютных терминов и общеупотребительных слов с терминологическим значением. Степень абстрактности также зависит от учета общенаучных слов, которые представляют собой слова отвлеченной семантики. Незначительное преобладание абстрактной лексики показывает, что электроника обладает дисциплинарной фундаментальностью с большим удельным весом прикладных исследований. Заимствованность и сложная морфологическая структура терминов характерны для терминологии молодых теоретических наук.

Анализ специальной лексики показывает, что лингвистические особенности терминологии не исчерпываются предложенными четырьмя парами признаков.

Важными свойствами являются также соотношение мотивированных и немотивированных терминов, числа однословных терминов и терминологических сочетаний, объем интернационального фонда терминов и ряд других. Однако, эти признаки являются производными от основных и сводимы к ним. Вероятностный характер языка проявляется в том, что в любой терминологии есть все эти признаки, но их количественное соотношение будет иным в зависимости от типа науки. Применение количественных методов закономерно и эффективно на более высокой ступени познания, на более близком к качественному, но содержательно более богатому качественному анализу. Однако диалектика частного и общего подтверждает, что качественное своеобразие может быть выявлено путем количественных характеристик [9].

Поэтому разработка качественно-количественной типологии терминологий разных наук или терминологий научных по сравнению с производственными может показать соотношение фундаментальных и прикладных исследований в рамках

одной науки и тем самым служить делу классификации наук.

Вероятностный подход показывает относительность самих понятий "фундаментальный" и "прикладной" и одновременно их необходимость.

Сравнение вероятностных моделей терминологий разных наук или терминологий одной науки в разных языках будет способствовать также выяснению роли экстралингвистических факторов в становлении терминологий, таких, как особенности развития науки, языковые контакты и т.д.

Литература

1. Яковлев И.П. Интеграционные процессы в высшей школе. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. - 115 с.
2. Копнин П.В. Логические основы науки. - Киев: Наукова думка, 1968. - 283 с.
3. Коршунов А.М. Отражение, деятельность, познание. - М.: Политиздат, 1979. - 216 с.
4. Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. - Л.: Просвещение, 1966. - 192 с.
5. Малахова В.Г. Семантико-структурные особенности низкочастотных слов и их стилистические функции: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. - Л., 1977. - 23 с.
6. Коалова Г.В. Полисемия научно-технического термина: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. - Л., 1980. - 17 с.
7. Изергина И.А. Синонимия в современной английской терминологии электроники: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. - Л., 1980. - 21 с.

8. Частотный англо-русский словарь-минимум по электронике/
Составитель П.М. Алексеев. - М.: Воениздаг, 1971. -
302 с.
9. Насыбаев А.П. Единство абстрактного и конкретного в
развитии математики. - Вопросы философии, 1980, № 8,
с. 89-96.

СОДЕРЖАНИЕ

Агамджанова В.И. Семантическая итеративность как проектирование глобального смысла высказывания на лексико-семантический вариант слова	3
Байкова Э.М. Варианты лексико-семантического поля, объединенного модальным значением уверенности/подтверждения, определяемые функциональным и авторским стилем речи, в современном английском языке	10
Банков А.Я. К вопросу о стилистических функциях французских вкраплений /на материале латинского языка/	15
Воронин С.В. Интрасинтагма в звукоизобразительной системе языка	20
Гомберг Е.И. О способах компрессии информации в поэтическом тексте	26
Данченко Н.Н. Нетранслитерированные фразеологизмы в поэме Дж. Г. Байрона "Дон Квун"	33
Дородных В.Д. Терминология генетики и проблема взаимодействия различных лексических подсистем	37
Заботкина В.И. Актуализация новых оценочно-характеризующих значений английских существительных в полупредикативных позициях	48
Король Т.В. Внутрисловные отношения как низшая ступень определения семантики текста.	61
Краже С.Г. Функционально-коммуникативная характеристика стилистического приема повтора в художественном тексте.	68
Либепа Е.Р. Сопоставительный анализ пределов вариативности порядка слов в стихотворных текстах разных языков	79
Начисчионе А.С. О разграничении вклинявания и разрыва как самостоятельных стилистических приемов при окказиональном использовании фразеологических единиц в речи.	86
Озолинь О.Л. Синтагматические и парадигматические характеристики безартиклевых существительных в современном французском языке	92

Тамина Н.В. Поляризация обозначений числа в речи и ее контекстовые условия /на материале английского языка/	I03
Чупилина Е.И. К проблеме типологии терминологических систем.	II7